4098.

Отдѣльные оттиски изъ журнала „Вопросы права". Книга. I.

© *А. Э. Вормсъ.*

1
0
ор

Реформа

КРЕСТЬЯНСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ

И

Гражданское право.

МОСКВА.
Товарищество Типо-литографіи Владиміръ ЧИЧЕРИНЪ въ Москвѣ.
Марьинскій участокъ, собственный домъ.
1910.

Отдѣльные оттиски изъ журнала „Вопросы права". Книга. I.

© *А. Э. Вормсъ.*

Многоуважаемому
Александру Николаевичу
Савину
от автора

Реформа

КРЕСТЬЯНСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ

И

Гражданское право.

МОСКВА.
Товарищество Типо-литографіи Владиміръ ЧИЧЕРИНЪ въ Москвѣ.
Марьинскій участокъ, собственный домъ.
1910.

КН
130

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных наук
Академии Наук СССР

Реформа крестьянскаго землевладѣнія и гражданское право.

> In primis autem videndum erit ei, qui rem publicam administrabit, ut suum quisque teneat neque de bonis privatorum publice deminutio fiat.
>
> *Cicero* De officiis, 2, 21.

Вниманіе какъ оффиціальныхъ, такъ и частныхъ изслѣдователей „крестьянскаго вопроса“ привлекаетъ, главобразомъ, положеніе крестьянъ центра Европейской Россіи, такъ называемой среднечерноземной полосы. Именно здѣсь, по единодушнымъ показаніямъ всѣхъ наблюдателей, наиболѣе ясно и ярко обрисовывается постепенное оскудѣніе деревни. Тяжелая картина, которая развертывается тутъ передъ нами, отличается притомъ поразительнымъ однообразіемъ тоновъ, на какихъ бы разрядахъ и категоріяхъ крестьянъ, представленныхъ въ этой полосѣ, мы бы ни остановили свое вниманіе. Не только крестьяне-общинники, нѣтъ—и подворники; не только обдѣленные при реформѣ 1861 года бывшіе крѣпостные-дарственники, но и сравнительно многоземельные государственные крестьяне,—всѣ они бѣдствуютъ, всѣ въ равной степени страдаютъ отъ недородовъ, всѣ почти одинаковые недоимщики. Даже баловни новѣйшихъ теченій въ аграрной политикѣ правительства, „сильные и крѣпкіе“ хуторяне, оказываются по послѣднимъ изслѣдованіямъ такими же нищими, по крайней мѣрѣ вездѣ тамъ, гдѣ „исходъ на хутора“ не былъ результатомъ естественнаго процесса, сложившагося подъ вліяніемъ удачныхъ образцовъ и т. п., а гдѣ онъ вызванъ одними стараніями начальства,—несмотря на энергичную помощь хуторянамъ со стороны землеустроителей.

Всѣ эти факты многократно, тщательно зарегистрированы какъ частными наблюдателями, такъ и земскими и

правительственными обслѣдованіями, наконецъ, мѣстными сельскими хозяевами въ „комитетахъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности". Тѣмъ не менѣе, въ пылу текущихъ споровъ, сторонники и противники новыхъ проектовъ реформы крестьянскаго землевладѣнія удивительно часто забываютъ объ этой однотонности общей картины, о полномъ почти отсутствіи яркихъ пятенъ на ней, будемъ ли мы разсматривать положеніе крестьянъ въ горизонтальномъ разрѣзѣ—по географическому распредѣленію ихъ, или же въ вертикальномъ—по формамъ землевладѣнія. Одни сводятъ все къ густотѣ населенія центра, къ малоземелью крестьянъ въ этой области; другіе еще рѣшительнѣе, но съ меньшимъ еще правомъ, сваливаютъ бѣдственное положеніе крестьянъ полностью на общинное землевладѣніе,—даже тамъ, гдѣ послѣднее не составляетъ преобладающей формы владѣнія, какъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Харьковской и смежныхъ губерній.

Мы не ставимъ себѣ задачей изучить эту сторону вопроса. Но для того, чтобы расчистить себѣ путь къ нашей спеціальной темѣ, необходимо возможно рѣшительнѣе напомнить о ней. Въ доказательство справедливости намѣченнаго выше вывода объ отсутствіи сколько-нибудь серьезнаго различія въ благосостояніи, общемъ культурно-экономическомъ положеніи, въ состояніи сельскохозяйственной техники, наконецъ въ недоимочности крестьянъ всѣхъ разрядовъ и при всякихъ формахъ владѣнія землею, мы сошлемся, въ видѣ примѣра, на вполнѣ безпристрастный и обстоятельно составленный органами податной инспекціи „Обзоръ податного состоянія Курской губерніи за 1901 — 1902 годы" (Курскъ 1904 г.). Въ этомъ трудѣ приведены данныя, которыя позволяютъ наглядно сопоставить, въ особенности по уѣздамъ съ преобладающимъ подворнымъ владѣніемъ, положеніе крестьянъ, владѣющихъ надѣльной землей съ одной стороны на подворномъ, а съ другой—на общинномъ правѣ. Наконецъ, въ подтвержденіе того, что даже отводъ земли въ хуторской отрубъ, при существующихъ общихъ условіяхъ, часто совсѣмъ не содѣйствуетъ повышенію уровня сельскаго хозяйства и общаго благосостоянія выселившихся крестьянъ, можно привести данныя о печальной судьбѣ хуторовъ, устроенныхъ еще до современной го-

рячки, слѣдовательно съ большею, сравнительно, осторожностью, въ Рязанской губерніи (имѣніе „Песочное“, б. Кошелевыхъ) и въ Самарской губерніи (на б. удѣльныхъ земляхъ) [1]).

Еще рѣзче это сказывается, пожалуй, относительно хуторовъ новѣйшей формаціи. Вотъ примѣръ. Въ концѣ 1909 г. агрономомъ Тетюшскаго у. (Казанской губ.) было обслѣдовано 237 хуторскихъ хозяйствъ уѣзда, образованныхъ землеустроительной комиссіей и Крестьянскимъ Банкомъ. При этомъ выяснилось, что 25 хозяевъ продали свои участки, 68 сдали ихъ на 1 годъ въ аренду, 10 хозяевъ ежегодно отдаютъ ихъ въ испольную аренду, и только 134 владѣльца лично ведутъ хозяйство. Въ свою очередь, изъ этихъ 134 домохозяевъ: 18 совершенно не имѣютъ инвентаря; 39 — безлошадны; 90 — имѣютъ по одной лошади, и только по 1 и по 2 хозяйства имѣютъ большее число лошадей. Только 19 хозяйствъ оказались достаточно оборудованными сельскохозяйственнымъ инвентаремъ, а 109 — имѣютъ только соху и борону. Около половины хуторянъ, наконецъ, не имѣли даже по одной коровѣ [2]).

Совершенно очевидно, что причина оскуденія крестьянъ не можетъ быть сведена къ господству какой-либо одной формы владѣнія землей, въ частности къ существованію общины, если къ тому же вспомнить, что по офиціальной версіи около половины общинъ передѣловъ не производятъ и фактически будто бы перешли къ подворному типу землевладѣнія. Нашъ выводъ подтверждается сверхъ приведеннаго еще тѣмъ, что вполнѣ аналогичныя

---

[1]) См. *Голубевъ* Сущность отношеній земства къ хуторамъ — въ журналѣ: „Московскій Еженедѣльникъ“ 1910 г. № 2. Болѣе благопріятную, хотя тоже не отвѣчающую всѣмъ ожиданіямъ, картину хуторскаго хозяйства рисуютъ детальныя и цѣнныя работы статистическаго отдѣленія Псковскаго Губ. Земства: „Хуторскія разселенія на надѣльныхъ земляхъ Псковскаго, Островскаго и Холмскаго уѣздовъ по изслѣдованію 1907 г.“ (Псковъ, 1909 г.). Но тутъ рѣчь идетъ о разселеніи, которому дѣйствительно благопріятствовали мѣстныя условія. Какое второстепенное значеніе имѣютъ для благосостоянія крестьянъ *формы землевладѣнія*, видно уже изъ того, что въ „Изслѣдованіи экономическаго положенія центрально-черноземныхъ губерній“ (Труды особаго совѣщанія 1899 г. *А. Полѣнова*) ихъ не пришлось даже затронуть

[2]) См. „Новое Время“, янв. 1910 г., перепечатка изъ „Казанскаго Телеграфа“. Ср. также судьбу хуторовъ въ Верхне-Днѣпровскомъ уѣздѣ, на которые указываетъ *Брущусъ* въ статьѣ: „Землеустройство и разселеніе за границей и въ Россіи“, въ „Трудахъ“ Вольн.-Экон. Общ. 1909 № 3.

явленія мы наблюдаемъ въ хозяйствѣ помѣщиковъ средней полосы Россіи, земли которыхъ уже со времени надѣленія крестьянъ превосходно арондированы и очень мало страдаютъ отъ черезполосицы, до сихъ поръ угнетающей, напр., хозяйство Юго-Западнаго края [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, право собственности помѣщиковъ средней Россіи не только не стѣснено узами общины, но вообще ограничено въ сосѣдскомъ и въ общественномъ интересѣ меньше, чѣмъ въ любой странѣ Западной Европы.

Основанія крестьянскаго, а затѣмъ и помѣщичьяго оскуденія кроются глубже, въ чемъ-то органически присущемъ строю этой области. Все еще продолжаютъ оказывать свое вліяніе историческія судьбы центральной Россіи, обусловившія ея, конечно, относительно, но, при данномъ уровнѣ развитія народнаго хозяйства, острое перенаселеніе. Отсутствуетъ обрабатывающая промышленность и нѣтъ горныхъ богатствъ Юга (нѣдръ!) Рѣзко чувствуется общая скудость интеллектуальной культуры не только мелкихъ, но и крупныхъ землевладѣльцевъ: ихъ хозяйства большею частью не въ состояніи обезпечить окружающему населенію тѣхъ экономическихъ выгодъ, которыя доставляютъ крестьянамъ раціонально поставленныя крупныя хозяйства Юго-Западнаго края. По прежнему, наконецъ, налоговое бремя, которое несетъ крестьянская надѣльная земля, въ среднемъ въ три раза превышаетъ обложеніе частновладѣльческихъ земель, главнымъ образомъ, благодаря т. наз. мірскимъ сборамъ; а если принять въ расчетъ также натуральныя повинности и косвенное обложеніе, то это превышеніе окажется еще значительно большимъ.

Но на ряду со всѣмъ этимъ издавна дѣйствуетъ и понынѣ остается въ полной силѣ еще одна причина, которая, въ отличіе отъ только что перечисленныхъ, не превлекала къ себѣ въ достаточной мѣрѣ вниманія русскаго общества. Между тѣмъ, по нашимъ наблюденіямъ, по тому впечатлѣнію, которое мы вынесли изъ ознакомленія съ многими случаями упадка или разстрой-

---

[1]) Въ тѣхъ случаяхъ, когда земли помѣщика въ средней Россіи черезполосны съ крестьянскими, это обыкновенно чрезвычайно выгодно для помѣщика, т. к. эта черезполосность была сохранена умышленно при надѣленіи крестьянъ (отрѣзки).

ства отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, эта причина играетъ крупную роль. Факты этого порядка, однако, къ сожалѣнію не укладываются въ цифровыя данныя и неуловимы для статистики; поэтому они могутъ представиться спорными. Но во всякомъ случаѣ, они подтверждаются цѣлымъ рядомъ другихъ наблюдателей.

Мы говоримъ о полной правовой необезпеченности крестьянскаго хозяйства, объ отсутствіи сколько-нибудь точныхъ нормъ гражданскаго права для крестьянскаго быта, о совершенно недостаточной защитѣ даже тѣхъ правъ, которыя признаются за крестьяниномъ.

Эта скудость нормъ, эта шаткость гражданскихъ субъективныхъ правъ крестьянъ достигаетъ размѣровъ прямо-таки непостижимыхъ для того, кто ближе не освоился съ юридическимъ укладомъ современной деревни. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что наша деревня многія поколѣнія сряду испытываетъ нѣчто въ родѣ постояннаго землетрясенія; а кто испыталъ послѣднее, знаетъ, какое тягостное настроеніе, какую растерянность послѣднее вызываетъ у людей.

Раньше, до реформъ прошлаго столѣтія, юридическій укладъ деревни прежде всего и больше всего зависѣлъ отъ капризнаго произвола либо помѣщика, либо окружнаго или иного начальника вѣдомства государственныхъ имуществъ. Послѣ реформы надъ крестьяниномъ тяготитъ, подчасъ не менѣе капризный произволъ сельскаго схода, а затѣмъ полиціи, земскаго начальника и другихъ высшихъ „установленій, завѣдывающихъ крестьянскими дѣлами.“ Понынѣ ихъ усмотрѣніе для крестьянъ и всѣхъ вообще лицъ „бывшихъ податныхъ сословій“, проживающихъ въ деревнѣ, — суррогатъ закона и права. Этотъ суррогатъ создалъ сложную, даже для лицъ съ юридическимъ образованіемъ трудно понятную или хотя бы уловимую сѣть всевозможныхъ разъясненій и толкованій, и вмѣстѣ съ тѣмъ убилъ, уже помимо того довольно скудные зачатки обычнаго права, которымъ позволила сложиться русская исторія, издревле особенно бѣдная юридическими началами.

Отсутствіе увѣренности въ прочности пріобрѣтенныхъ правъ, слабость надежды выиграть даже вполнѣ правый споръ объ усадьбѣ, о землѣ,— все это въ равной мѣрѣ испытываютъ какъ общинникъ, такъ и подворникъ.

Трудно рѣшить даже, чьи поземельныя права защищены хуже.

Общинникъ въ большинствѣ случаевъ вполнѣ лишенъ судебной защиты противъ произвольныхъ постановленій своего сельскаго общества по вопросамъ о надѣленіи его землею, о пользованіи общими угодьями и т. п. Во всѣхъ спорахъ объ этомъ сельское общество выступаетъ по отношенію къ члену общины одновременно какъ сторона, чьи хозяйственные интересы въ данномъ случаѣ противоположны его интересамъ, и какъ органъ административной власти или, по выраженію сената, „какъ законное учрежденіе“. Сельскій сходъ рѣшаетъ споръ между собою и между своимъ членомъ „въ первой инстанціи“. Членъ общества, недовольный постановленіемъ схода, можетъ лишь обжаловать его въ порядкѣ инстанцій,—если только вообще онъ добьется какого бы то ни было рѣшенія, т. к. обычная тактика сельскаго старосты въ этихъ случаяхъ — совсѣмъ не ставить вопроса на обсужденіе схода. Наконецъ, если состоялось постановленіе схода, оно можетъ быть обжаловано и отмѣнено въ теченіе *десяти* лѣтъ. Практически такой порядокъ часто равносиленъ отсутствію организованной защиты [1]).

Подворникъ можетъ прибѣгнуть къ суду для защиты своихъ правъ даже противъ своего общества. Но фактически онъ очень часто лишенъ возможности доказать свои права. Документы, при помощи которыхъ ему приходится удостовѣрять ихъ, отличаются крайней неточностью, а нерѣдко и полнымъ несоотвѣтствіемъ съ дѣйствительностью. Владѣнныя записи и „приложенія“ къ нимъ то показываютъ громадные излишки, напр., вдвое больше десятинъ противъ того, что имѣется въ натурѣ; то относятъ участокъ, расположенный при одномъ селеніи, къ надѣлу другого, гдѣ его нельзя сыскать; то оказываются составленными на имя никому на мѣстѣ неизвѣстнаго владѣльца; то, наконецъ,—и это наиболѣе

---

[1]) О порядкѣ разрѣшенія споровъ между общиной и ея членами см. рѣшенія Общаго Собранія 1 и касс. Деп. Сената 1889 № 20 и 1901 № 27.— Практическіе результаты такого порядка еще недавно изложены на основаніи наблюденій, сдѣланныхъ въ Екатеринославской губерніи, г. Козловымъ въ „Правѣ“, 1910 г., № 2, стр. 101—102, упустившимъ, однако, изъ вида, что это неизбѣжная особенность общиннаго владѣнія въ его современной постановкѣ.

частый случай — отыскиваемый участокъ уже запаханъ сосѣдями и нѣтъ возможности выяснить его прежнее мѣстоположеніе, хотя бы приблизительно. Можно указать случай въ Курской губерніи, когда благодаря черезполосности участковъ подворнаго владѣнія при послѣдующемъ измѣреніи земли изъ 620 десятинъ въ натурѣ не удалось обнаружить 322 десятины [1]).

Нельзя сказать, чтобы на поразительную правовую необезпеченность крестьянскаго землевладѣнія, отдѣльные примѣры которой — быть-можетъ, даже не самые яркіе—мы только что привели, не было обращено вниманіе русскаго общества [2]) и законодательныхъ органовъ. Но всѣ эти указанія не привели ни къ чему. До сихъ поръ большинство практическихъ дѣятелей въ этой области продолжаетъ питаться старыми предразсудками, то приписывая все нестроеніе нашей деревни общинному владѣнію,—даже тамъ, гдѣ оно не при чемъ, напр., какъ поводъ къ аграрнымъ волненіямъ, то, напротивъ, полагая, что сохраненіе общиннаго владѣнія въ его современномъ юридическомъ построеніи способно исцѣлить все зло, противъ котораго община до сихъ поръ оказывалась безсильной.

Эти предразсудки опасны тѣмъ, что благодаря нимъ вниманіе спорящихъ и законодательствующихъ лицъ сосредоточивается на одной, быть-можетъ даже не самой серьезной сторонѣ вопроса, а наиболѣе опасные дефекты крестьянскаго землевладѣнія остаются въ тѣни и во всей неприкосновенности сохраняются на будущее время.

Наглядным примѣромъ и доказательствомъ этому служитъ „одобренный Государственною Думою проектъ закона объ измѣненіи и дополненіи нѣкоторыхъ постановленій, касающихся крестьянскаго землевладѣнія“, т.-е. измѣненный Гос. Думою указъ 9 ноября 1906 г., нынѣ подлежащій обсужденію Государственнаго Совѣта. Какъ

---

[1]) См. „Обзоръ податного сотоянія Курской губ. за 1901—1902 годы“. Курскъ 1904 г., стр. 15 сл.

[2]) См. статью *кн. А. Оболенскаго* „Основныя причины крестьянскаго нестроенія“—„Русскій Вѣстникъ“ 1894 г., іюль. О томъ же говоритъ длинный рядъ отзывовъ „Мѣстныхъ комитетовъ“ 1904 года, которые сопоставлены въ книгѣ *Риттиха* „Крестьянскій правопорядокъ“ (1904). См. особенно стр. 304 сл. и 321.

самый указъ 9 ноября, такъ и проектъ закона, видоизмѣненный Думою, уже неоднократно обсуждались и съ политической точки зрѣнія [1]), и съ точки зрѣнія ихъ вѣроятнаго экономическаго значенія. Не касаясь ex professo этихъ сторонъ вопроса,—совершенно отдѣлить ихъ другъ отъ друга невозможно,—мы разсмотримъ указанный законопроектъ главнымъ образомъ съ чисто-юридической цивильной точки зрѣнія.

Наша работа и въ этомъ направленіи не является первой. На нѣкоторые дефекты указа 9 ноября именно съ такой точки зрѣнія уже было обращено вниманіе въ юридической печати. Напр., г. *Гельвихъ* помѣстилъ въ декабрьской книжкѣ Журнала Министерства Юстиціи за 1908 годъ статью, въ которой, очевидно на основаніи личнаго опыта, онъ вполнѣ безпристрастно и компетентно отмѣтилъ цѣлый рядъ несообразностей или неудобствъ новаго установленнаго указомъ крѣпостного порядка отчужденія участковъ, укрѣпленныхъ въ личную собственность. Практически очень цѣнныя и сравнительно легко осуществимыя поправки, предложенныя имъ къ тексту указа, не были приняты во вниманіе при переработкѣ проекта въ Гос. Думѣ. Тѣмъ менѣе, конечно, можно ожидать, чтобы замѣчанія, сдѣланныя въ болѣе позднюю эпоху обсужденія закона, имѣли какое-либо практическое значеніе, въ особенности при условіяхъ прохожденія законодательнаго пути даннымъ проектомъ. Мы ограничимся, поэтому, теоретической постановкой проблемы о томъ вліяніи, которое окажетъ на строй гражданскихъ правъ нашихъ крестьянъ проектъ, который уже одобренъ Думой и безъ существенныхъ улучшеній будетъ одобренъ также Государственнымъ Совѣтомъ.

Мы спросимъ: заполнитъ ли новый законъ въ той спеціальной области, которой онъ касается, зіяющіе пробѣлы въ нормировкѣ крестьянскаго землевладѣнія? Обезпечатъ ли способы осуществленія реформы, устанавли-

---

[1]) Иногда за указомъ отрицаютъ политическую тенденцію. На это лучшій отвѣтъ даетъ одинъ изъ его вдохновителей: *В. Гурко*. Наше Государственное и народное хозяйство (1909), стр. 62: „въ моихъ глазахъ законъ 9 ноября въ настоящее время имѣетъ преимущественно политическое значеніе“.

ваемые имъ, большую прочность и лучшую защиту гражданскихъ правъ крестьянъ, чѣмъ дѣйствующее право?

Отправнымъ пунктомъ при выработкѣ разсматриваемаго проекта послужила ст. 12 Общ. Пол. о Крест. (изд. 1902 г.). Споръ о значеніи и точномъ смыслѣ этой статьи утратилъ, однако, въ настоящее время практическій интересъ, т.-к. нынѣ реформа проводится въ законодательномъ порядкѣ, не связанномъ содержаніемъ прежнихъ нормъ. Толкуя ст. 12 въ опредѣленномъ смыслѣ [1]), правительство издало въ дополненіе къ ней, а отчасти, на нашъ взглядъ, и въ отмѣну ея [2]), указъ 9 ноября 1906 г., въ порядкѣ ст. 87 Осн. Законовъ. Затѣмъ указъ былъ внесенъ въ Госуд. Думу, которая во вторую сессію третьяго созыва подвергла его существенной переработкѣ, съ которой намъ и придется считаться. Въ своемъ окончательномъ видѣ проектъ содержитъ четыре группы постановленій. Изъ нихъ мы разсмотримъ отдѣльно три главныхъ вопроса. На четвертой группѣ нормъ, устанавливающихъ правила охранительнаго судопроизводства и порядокъ вотчиннаго укрѣпленія правъ на участки надѣльной земли, мы не будемъ останавливаться, т.-к. онѣ уже разсмотрѣны г. Гельвихомъ въ указанной выше статьѣ.

I.

Перечисленіе цѣлыхъ обществъ изъ разряда надѣленныхъ на общинномъ правѣ въ разрядъ владѣющихъ землею на подворномъ правѣ.

Докладчикъ земельной комиссіи Госуд. Думы, членъ Думы С. И. Шидловскій, такъ формулируетъ въ своемъ докладѣ Думѣ главныя основанія указа 9 ноября: „Каж-

---

[1]) Утвержденіе нѣкоторыхъ авторовъ, будто ст. 12 касается исключительно земель, пріобрѣтенныхъ общинниками сверхъ надѣла, лишено всякаго основанія и прямо противорѣчитъ многочисленнымъ заявленіямъ членовъ редакціонныхъ комиссій Исторія ст. 12 (36) Общ. Пол. все еще ждетъ подробнаго обслѣдованія.

[2]) См. нашу статью въ „Вѣстникѣ Права“ 1906 г., декабрь, гдѣ отступленія указа 9 ноября отъ ст. 12 Общ. Пол. нѣсколько преувеличены, подъ свѣжимъ тогда впечатлѣніемъ безспорной натянутости аргументаціи, оправдывавшей отнесеніе этой реформы къ числу неотложныхъ и не заключающихъ въ себѣ ничего новаго по существу дѣла.

дому домохозяину, владѣющему надѣльной землей на общинномъ правѣ, предоставляется требовать укрѣпленія за собою причитающейся ему части изъ означенной земли". Слѣдовательно указъ стоялъ на принципіально (о деталяхъ рѣчь ниже) правильной точкѣ зрѣнія: крестьянамъ, которые уже сознали преимущества личнаго владѣнія и самостоятельной, индивидуальной иниціативы въ улучшеніи хозяйства или въ использованіи своей земли, слѣдуетъ предоставить возможность выйти изъ состава юридическаго лица, распорядки котораго, по степени ихъ развитія, стали для нихъ стѣснительными.

Несмотря на вполнѣ ясную формулировку этого основного начала, сохраненнаго въ принципѣ для большей части статей проекта, одобреннаго Думой, послѣдняя предпослала постановленіямъ, по существу заимствованнымъ изъ указа 9 ноября, рядъ новыхъ статей, построенныхъ на противоположномъ началѣ: на началѣ обязательнаго, помимо заявленія съ чьей бы то ни было стороны, перечисленія обширной категоріи обществъ изъ числа надѣленныхъ землей на общинномъ правѣ въ разрядъ подворныхъ владѣльцевъ. Ст. 1 думскаго проекта гласитъ въ послѣдней своей редакціи: „Общества и селенія, въ коихъ не было общихъ передѣловъ со времени надѣленія ихъ землею или же въ теченіе 24 лѣтъ, предшествовавшихъ изданію настоящаго закона, признаются перешедшими къ наслѣдственно-участковому владѣнію".

Чѣмъ вызвана эта крутая мѣра? Ясныхъ мотивовъ мы не находимъ ни въ докладѣ земельной комиссіи, ни въ преніяхъ въ Госуд. Думѣ. Судя, однако, по объясненіямъ докладчика по проекту, включеніе этого положенія вызвано опасеніемъ, что указанныя въ ст. 1 общины въ ожиданіи заявленій со стороны отдѣльныхъ членовъ объ укрѣпленіи и о выдѣлѣ имъ земли вспомнятъ о своемъ правѣ произвести передѣлъ и тѣмъ ухудшатъ положеніе крестьянъ, для которыхъ укрѣпленіе въ данное время наиболѣе выгодно. Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о нѣкоторой фантастичности опасеній внезапныхъ перемѣнъ въ настроеніи членовъ подобныхъ общинъ,—вѣдь по ст. 66 Общ. Пол. передѣлъ возможенъ лишь съ согласія $^2/_3$ всѣхъ домохозяевъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ, а не только тѣмъ, кто случайно присутствуетъ на немъ. Кромѣ того, до самого постановленія приговора каждый

членъ общины сохраняетъ право простымъ заявленіемъ старостѣ возбудить производство объ укрѣпленіи своего надѣла и тѣмъ изъять его отъ дѣйствія проектированнаго измѣненія. Съ юридической точки зрѣнія гораздо болѣе характерно, что средство для предупрежденія мнимой опасности бьетъ несравненно дальше цѣли, а главное, что оно вноситъ глубокую смуту въ относительно ясное дотолѣ положеніе этихъ общинъ. Оно не укрѣпляетъ и не упрочиваетъ правъ крестьянъ, а слѣдовательно и не подготовляетъ дѣйствительнаго перехода къ частной собственности; напротивъ, оно неминуемо должно вызвать рядъ трудно разрѣшимыхъ сомнѣній. Для предупрежденія, въ худшемъ случаѣ *отдѣльныхъ*, рѣдкихъ случаевъ нарушенія сложившихся хозяйственныхъ отношеній, проектъ колеблетъ признанныя закономъ и укрѣпленныя вотчинною записью права *всѣхъ* подобныхъ общинъ. Если бы даже, какъ полагаетъ въ своемъ отзывѣ на проектъ И. Л. Горемыкинъ, эти постановленія не получили большого практическаго значенія въ смыслѣ измѣненія фактическаго уклада хозяйства въ такихъ общинахъ, рѣзкое и безцѣльное нарушеніе ихъ *юридическаго* положенія сохранило бы свое серьезное, тлѣтворное значеніе [1]).

Перечисленіе крестьянъ изъ одной категоріи въ другую отнюдь не равносильно одному лишь воспрещенію дальнѣйшихъ передѣловъ. Прежде всего, вѣдь землеустроительные акты такихъ обществъ и впредь будутъ гласить на имя общины, а не на имя отдѣльныхъ домохозяевъ; къ ихъ актамъ не будетъ существовать даже тѣхъ, какъ было указано выше, крайне недостаточныхъ „приложеній“, въ которыхъ, хотя лишь съ приблизительной точностью, региструются права отдѣльныхъ семействъ тамъ, гдѣ общество было надѣлено съ самаго начала на подворномъ правѣ. Разсчитывать на то, что всѣ, или хотя бы замѣтная часть бывшихъ общинъ немедленно воспользуются правомъ потребовать составленія новыхъ крѣпостныхъ актовъ, было бы нѣсколько наивно, если

---

[1]) Отзывъ на проектъ И. Л. Горемыкина въ его письмѣ кн. П. Н. Трубецкому былъ напечатанъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ 1910 г., 2 февр.— Авторъ отзыва совершенно упускаетъ изъ вида, что и помимо непосредственныхъ практическихъ, хозяйственныхъ послѣдствій, законъ можетъ оставить глубокій слѣдъ въ правовой психикѣ народа, содѣйствовать его юридической „деморализаціи“.

имѣть въ виду, какъ, поздно иногда такія общества вообще узнаютъ о происшедшемъ коренномъ переворотѣ въ ихъ юридическомъ строѣ. Да и крестьянскія учрежденія будутъ неохотно браться за эту почти невыполнимую, по отсутствію твердыхъ основаній, и во всякомъ случаѣ очень кропотливую работу. Наконецъ, часто „подлежащіе“ крестьяне уже потому не станутъ хлопотать о выдачѣ имъ новыхъ актовъ, предусмотрѣнныхъ ст. 3 проекта, что по ихъ мнѣнію или по мнѣнію большинства членовъ общины, по крайней мѣрѣ, еще не протекло узаконенныхъ 24 лѣтъ со времени послѣдняго передѣла. Вѣдь проектъ не поясняетъ, какіе именно виды передѣловъ изъ числа практикующихся или практиковавшихся (24 года захватятъ отчасти время до 1893 года) слѣдуетъ считать „общими“. Не опредѣляетъ этого и дѣйствующій нынѣ законъ, не знающій такого легальнаго термина: основныя постановленія его (ст. 62, п. 8 Общ. Пол.) говорятъ о „передѣлѣ земель, накладкѣ и скидкѣ тяголъ“, т.-е. противополагаютъ всякую передвижку и измѣненіе конфигураціи полосъ—смѣнѣ владѣльцевъ полосъ безъ ихъ измѣненія; правила 8 іюня 1893 года (3-ье П. С. З. № 9754) говорятъ вообще о „передѣлахъ“ (ст. 1=ст. 24 Общ. Пол. 1902 г.) и о „накладныхъ душахъ“, предоставленныхъ домохозяевамъ послѣ „общей разверстки“ (ст. 14=ст. 37 Общ. Пол.). Въ указахъ 2 Деп. Сената дѣйствительно встрѣчается терминъ „общій передѣлъ“, напр., въ ук. 10 дек. 1885 г. № 5532 [1]), но точного опредѣленія ему не дается. Изъ приведеннаго рѣшенія можно только заключить, что критеріемъ для разграниченія общаго передѣла отъ частнаго, отождествляемаго со скидкой и накладкой тяглъ, сенатъ считаетъ вопросъ о томъ, касается ли принятая сходомъ мѣра всѣхъ домохозяевъ или только части ихъ, но не вопросъ о томъ, захватывалъ ли передѣлъ всѣ пахотныя или другія угодья, и измѣнялась ли при этомъ конфигурація участковъ или нѣтъ. Между тѣмъ, подобный выводъ кажется спорнымъ. Проектъ, далѣе, не рѣшаетъ вопроса, какой моментъ долженъ быть принятъ за исходный при исчисленіи срока—постановленіе приговора

---

[1]) См. *Горемыкинъ* Сборникъ рѣшеній. Пр. Сената по крестьянскимъ дѣламъ (СПБ. 1889), стр 318.

о передѣлѣ или истеченіе того періода, на который былъ произведенъ послѣдній передѣлъ, напр., 12 лѣтъ съ дня постановленія приговора: вѣдь въ теченіе всего этого періода передѣлъ все еще продолжаетъ осуществляться; какъ удостовѣритъ этотъ отправный моментъ, когда о немъ не сохранилось документальныхъ данныхъ, и т. д.

При наличности подобныхъ условіи нѣтъ нужды подробно доказывать, что лишенная даже той слабой опоры для своихъ земельныхъ правъ, которую обезпечиваютъ при спорахъ о надѣлѣ крестьянамъ, надѣленнымъ на подворномъ правѣ, „приложенія“ къ ихъ владѣннымъ записямъ, новая категорія подворниковъ черезъ 10—20 лѣтъ погрузится въ полный хаосъ. Не говоря о самихъ крестьянахъ, мы не завидуемъ хотя бы положежію органовъ податного надзора, которые должны будутъ провѣрять правильность разверстки окладныхъ сборовъ, какъ она производится при подворномъ владѣніи, когда у этихъ органовъ въ большинствѣ случаевъ не будетъ въ рукахъ никакихъ документовъ о размѣрахъ владѣнія отдѣльнаго двора.

Принудительное, безъ вѣдома даже заинтересованныхъ лицъ и безъ точнаго указанія всѣхъ условій его, перечисленіе общинниковъ въ другой разрядъ владѣльцевъ не только внесетъ полную неопредѣленность въ ихъ формально-юридическое положеніе, какой не сумѣла бы создать и община съ самыми частыми передѣлами; перечисленіе вызоветъ рядъ существенныхъ перемѣнъ въ ихъ матеріально-правовомъ положеніи. Эти перемѣны закономъ не предусматриваются, точно не регулируются, и уже потому послужатъ новымъ источникомъ для противорѣчивой колеблящейся практики на мѣстахъ,—пока то высшія инстанціи успѣваютъ внести въ эту практику нѣкоторое однообразіе. Прибавляется новый рычагъ, расшатывающій правосознаніе крестьянъ.

Проектъ не хочетъ прямо сказать, что общества, въ коихъ не было общихъ передѣловъ въ теченіе 24 лѣтъ, перечисляются въ моментъ изданія закона въ другую категорію землевладѣльцевъ. Онъ говоритъ, что эти общины „признаются перешедшими“ къ наслѣдственно-участковому владѣнію. Когда? Повидимому, уже до изданія закона, не силою его велѣнія, а силою сложивша-

гося въ нихъ обычая или силою новой, особой 24-лѣтней давности, которая вѣдь часто окажется истекшей задолго до вступленія въ силу закона. Но въ прямомъ противорѣчіи съ этимъ стоитъ фактъ, котораго нельзя измѣнить ex post: правительственные органы признавали эти общества, да и сейчасъ продолжаютъ признавать ихъ общинами — на точномъ основаніи дѣйствующаго закона. Когда эти общины, не производившія 24 года общихъ передѣловъ, теперь предоставляютъ право на эксплоатацію нѣдръ своего надѣла, или когда у нихъ отчуждается часть надѣла для общественной надобности; суммы, которыя выручаются при этомъ, поступаютъ не въ пользу отдѣльныхъ домохозяевъ, какъ при дѣйствительномъ подворномъ владѣніи (ук. 2 Деп. Сен. 20 сент. 1904 г., № 5643), а согласно пункту 10 приложенія къ ст. 16 и статьѣ 22 Общ. Полож. о Крест. зачисляются въ собственность всего общества, притомъ исключительно „на пріобрѣтеніе общественной недвижимой собственности“. Конечно, и при общинномъ владѣніи фактически экспропріируются отдѣльные домохозяева, но деньги не выдаются имъ потому, что собственникомъ земли является общество, и при первомъ же передѣлѣ оно должно отвести имъ новые участки взамѣнъ прежнихъ. Частичная экспропріація надѣла и служила до сихъ поръ достаточнымъ основаніемъ для разрѣшенія передѣла уже до наступленія законнаго срока (по ст. 29 Общ. Пол.) [1]). Согласно проекту эта форма вознагражденія крестьянина, чьи полосы отошли подъ копи или подъ полотно желѣзной дороги, отпадаетъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ проектъ не говоритъ о возможности выдѣлить такому крестьянину долю изъ суммъ, полученныхъ или присужденныхъ уже, но еще не выданныхъ ко дню вступленія въ силу новаго закона. По дѣйствующему же закону отдѣльные члены общины не имѣютъ права на выдѣлъ изъ мірского капитала даже при укрѣпленіи надѣла въ собственность. (Разъясн. мин. вн. дѣлъ по Земск. Отд. 25 янв. 1908 г., № 2549). Единственнымъ исходомъ

---

[1]) Мин. вн. дѣлъ считаетъ, повидимому, что въ такихъ случаяхъ новый передѣлъ даже необходимъ, если поступитъ требованіе объ укрѣпленіи участка. См. разъясненіе его отъ 21 марта 1908 г., № 8992 (Изв. Земск. Отд. 1908, стр. 408).

будетъ испрошеніе каждый разъ особаго Высочайшаго повелѣнія (ук 2 Деп. 21 янв. 1908, № 150) [1]).

Затѣмъ авторы проекта, очевидно, полагаютъ, что такое внезапное перечисленіе общинниковъ въ разрядъ подворниковъ по существу не измѣнитъ условій пользованія надѣломъ: оно только фиксируетъ status quo. Это предположеніе невѣрно и покоится на незнакомствѣ съ юридическимъ строемъ надѣльнаго землевладѣнія.

Правила о передѣлахъ 8 іюня 1893 г. (нынѣ ст. 24 и сл. Общ. Пол.) распространяются только на пахотныя земли и на тѣ изъ прочихъ угодій, которыя передѣляются на одинаковыхъ основаніяхъ съ пахотными землями (ст. 25). Всѣми остальными угодьями община располагается по своему усмотрѣнію и передѣляетъ ихъ въ произвольно назначаемые сроки. Эти передѣлы не признаются общими. Между тѣмъ, какъ разъ эти угодья нерѣдко составляютъ одну изъ основъ хозяйственнаго быта общины, напр., тамъ, гдѣ крестьяне, какъ по берегамъ Оки, Москвы-рѣки и т. д. владѣютъ цѣнными заливными лугами, приносящими значительно большій доходъ, чѣмъ зерновые хлѣба на московскомъ суглинкѣ. Именно потому, что въ этихъ случаяхъ пахоть отступаетъ на второй планъ, ея тутъ иногда не передѣляютъ; луга же распредѣляются ежегодно въ зависимости отъ урожая травы, подтоповъ и т. д, при томъ по своеобразному разсчету, напр., по числу „косъ“ во дворѣ. Такія общины подпадаютъ подъ дѣйствіе новаго закона и перечисляются въ общества съ подворнымъ владѣніемъ. Тѣмъ самымъ онѣ лишаются прежняго права передѣлять и луговыя угодья. Въ одномъ изъ новѣйшихъ указовъ сенатъ разъяснилъ по этому вопросу, что земля, не принятая въ разсчетъ при составленіи „приложенія“ къ владѣнной записи на подворный надѣлъ и не пока-

---

[1]) По этому поводу умѣстно указать, что на почвѣ такихъ исключительныхъ ходатайствъ о выдачѣ капитала за отчужденный надѣлъ на руки членамъ общества, въ изъятіе изъ правила ст. 22 Общ. Пол., нерѣдко наблюдаются злоупотребленія. Происходятъ они потому, что правило ст. 22 во многихъ случаяхъ, напр., подъ Москвой, фактически невыполнимо, въ виду быстраго вздорожанія земли. На дѣлѣ капиталы выдаются теперь уже не на покупку земли, а на постройку дачъ и другія мелioраціи. Послѣднія подчасъ даже фиктивны, несмотря на попытки контроля со стороны земскихъ начальниковъ. Вообще это постановленіе отжило свое время; между тѣмъ все еще есть тенденція распространить его на новыя отношенія.

занная въ составѣ отдѣльныхъ подворныхъ участковъ, не состоитъ въ общинномъ владѣніи, и сходъ не въ правѣ распорядиться ею по своему усмотрѣнію. „Опредѣленіе права на ту часть надѣльной земли, которая при составленіи владѣнной записи не принималась въ расчетъ, можетъ послѣдовать только со стороны подлежащаго суда“ [1]).

Для разсматриваемыхъ обществъ это равносильно необходимости измѣнить весь укладъ своего хозяйства. Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ и тутъ, взамѣнъ передѣловъ, отнюдь не обезпечивается дѣйствительно устойчивое владѣніе „неизмѣнными долями“. Достаточно конкретно представить себѣ, какими средствами черезъ 10, 15 лѣтъ придется удостовѣрять право пользованія лугами, если измѣнится составъ „лицъ“, сохранившихъ право участія въ этомъ угодьѣ, напр., когда луга дѣлились по числу „косъ“ во дворѣ? Укрѣпленія долей по ст. 2 проекта вѣдь не происходитъ: она ограничивается заявленіемъ, что „право на участіе въ пользованіи общественными угодьями и оброчными статьями сохраняется за отдѣльными *лицами* (*синонимъ ли это „домохозяевъ?“*) на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ они пользовались ими къ указанному сроку.“

Одновременно, впрочемъ, съ признаніемъ разсматриваемой категоріи крестьянъ подворниками, ст. 7 проекта разспространяетъ на нихъ порядокъ выдѣла къ однимъ мѣстамъ, установленный для общинниковъ (ст. 30, 33, 34). Не значитъ ли это—нагромождать неразрѣшимыя противорѣчія и сознательно лишать будущую практику какихъ бы то ни было руководящихъ началъ.

Вспомнимъ, наконецъ, что къ числу общинъ, давно не производящихъ общихъ передѣловъ, отчасти принадлежитъ обширная категорія тѣхъ обществъ бывшихъ однодворцевъ Курской и смежныхъ губерній и, въ особенности, старозаимочниковъ Харьковской губерніи, которыя только около половины XIX столѣтія перешли къ общинному владѣнію подъ усиленнымъ давленіемъ правительства, открыто попиравшаго сложившееся среди нихъ индивидуалистическое правосознаніе, и которыя лишь

---

[1]) Ук. 2 Деп. 16 марта 1909, № 2525 (Изв. Земск. Отд. 1906 г., стр. 274)

послѣ ожесточенной внутренней борьбы нынѣ достигли относительно устойчиваго внутренняго равновѣсія [1]). Вспомнимъ, что еще въ 1904 г. министерство внутреннихъ дѣлъ должно было сдерживать рвеніе земскихъ начальниковъ, часто предъявлявшихъ къ крестьянамъ требованіе о болѣе равномѣрномъ распредѣленіи земли между отдѣльными членами общества и за неисполненіе таковыхъ требованій налагавшихъ на виновныхъ (?) взысканія по ст. 57 Пол. Уст. Крест. Министерство находило подобное „административное давленіе... не только неудобнымъ, но и безполезнымъ съ практической стороны [2])".

Черезъ нѣсколько лѣтъ „направленіе" рѣзко измѣнилось—на долго ли?—и попечительное начальство, теперь уже въ лицѣ Госуд. Думы, усиленно хлопочетъ, какъ бы снова навязать этой части крестьянъ другой укладъ хозяйственной жизни, не заботясь даже о томъ, чтобы прочно обезпечить создаваемыя въ пользу отдѣльныхъ лицъ права на землю, которая по крѣпостнымъ актамъ значится собственностью общины. Трудно представить себѣ болѣе глубокое пренебреженіе къ крѣпостному акту, этой первоосновѣ права собственности на недвижимость, болѣе рѣшительную мѣру, чтобы поколебать авторитетъ вотчинной записи!

Проектъ исходитъ какъ-будто изъ стремленія обезпечить крестьянамъ хозяйственную свободу, а прибѣгаетъ для этого къ мѣрамъ опеки въ духѣ XVIII столѣтія;—онъ рѣшаетъ судьбу цѣлаго разряда землевладѣльцевъ независимо отъ потребностей, заявленій или даже вѣдома ихъ самихъ; проектъ провозглашаетъ свободу выхода изъ общины каждаго отдѣльнаго ея члена, а въ первыхъ же статьяхъ принудительно исключаетъ нѣсколько милліоновъ крестьянъ изъ числа общинниковъ. И все это дѣлается не въ расчетѣ даже на серьезныя хозяйственныя улучшенія, совершенно невозможныя при сознаваемыхъ для этихъ крестьянъ условіяхъ, а только

---

[1]) См. исторію перехода старозаимочниковъ къ общинному владѣнію въ статьяхъ *Шимакова* въ „Кіевской старинѣ" на 1882 и 1883 годы. Переходъ къ общинному владѣнію части бывшихъ однодворцевъ описанъ у *Благовѣщенскаго* Четвертное право (1899), но освѣщенъ односторонне, съ точки зрѣнія лица, сочувствующаго переходу къ общинному владѣнію.

[2]) См. разъясненіе мин. вн. дѣлъ отъ 9 апр. 1904 г. № 8355—Извѣстія Земскаго отдѣла, 1904 г., № 8, стр. 37.

для того, чтобы предупредить рѣдкіе по всей вѣроятности случаи внезапнаго оживанія тѣхъ общинъ, которыя фактически уже давно отказались отъ передѣловъ [1]).

II.

Укрѣпленіе надѣла отдѣльныхъ домохозяевъ.

Вторая группа статей проекта воспроизводитъ съ нѣкоторыми измѣненіями одну изъ основныхъ частей указа 9 ноября. Мы уже отмѣтили выше, что исходное и основное положеніе этого указа представляется юридически правильнымъ. Хотя собственникомъ земли при общинномъ владѣніи совершенно несомнѣнно [2]) является юридическое лицо—сельское общество, — но это не можетъ служить препятствіемъ къ выдѣлу, т.-е. къ частичной его ликвидаціи или къ раздѣлу, т.-е. къ полной ликвидаціи юридическаго лица, если только законъ признаетъ, что данный типъ союзной личности вообще отжилъ свое время и заслуживаетъ упраздненія. Законодатель дѣйствительно сталъ на эту точку зрѣнія. Въ виду этого можно лишь установить, что онъ поступаетъ крайне не-

---

[1]) Приведенныя въ настоящей статьѣ соображенія большею частью уже были высказаны мною на частномъ совѣщаніи членовъ „комиссіи Госуд. Совѣта по разсмотрѣнію проекта закона объ измѣненіи и дополненіи нѣкоторыхъ постановленій, касающихся землевладѣнія“, къ участію въ которомъ я былъ приглашенъ предсѣдателемъ комиссіи, кн. П. Н. Трубецкимъ. Въ „Вѣстникѣ Европы“ за текущій годъ проф. М. М. Ковалевскій, членъ означенной комиссіи, напечаталъ воспоминанія объ этомъ частномъ совѣщаніи, но приписалъ мнѣ, при этомъ, такую формулировку нѣкоторыхъ доводовъ, которой я имъ не придавалъ и съ которой я совершенно не могу согласиться (Вѣст. Евр. 1910 г., № 1, стр. 279—280). Судя по его вступительнымъ замѣчаніямъ, проф. Ковалевскій воспользовался для своихъ воспоминаній записью, которая велась въ засѣданіи частнаго совѣщанія. Я въ правѣ заключить поэтому, что запись не всегда была вѣрной. Въ настоящей статьѣ я излагаю въ общемъ тѣ же соображенія, что и на совѣщаніи, съ небольшими измѣненіями и дополненіями, вызванными замѣчаніями на проектъ со стороны Ф. Д. Самарина и И. М. Тютрюмова, которыя мнѣ пришлось услышать въ этомъ же совѣщаніи.

[2]) Мы разумѣемъ отсутствіе серьезныхъ юридическихъ сомнѣній въ этомъ. По данному вопросу практика всѣхъ Департаментовъ Сената вполнѣ сходится. См. Рѣш. Гр. Касс. Деп. 1907, № 77 и ук. 2 Деп. 10 марта 1908, № 1472. Изв. Земск. Отд. 1908 г., стр. 292.—Ср. авторитетнаго представителя communis opinio—проф *Кассо*: Русское поземельное право (1906), § 169. Есть, конечно, dissentientes, но у нихъ нѣтъ аргументовъ.

послѣдовательно, не примѣняя этой точки зрѣнія ко всѣмъ видамъ общины, напр., къ казачьимъ землямъ, которыя составляютъ собственность юридическихъ лицъ нѣсколько иного типа—казачьихъ войскъ, но которыми отдѣльныя станицы пользуются на общинномъ правѣ. Это, казалось-бы, даже несправедливо по отношенію къ казакамъ, экономическое развитіе которыхъ задерживается, особенно имѣя въ виду, что въ большинствѣ казачьихъ областей именно теперь установленіе чистаго типа хуторского хозяйства еще вполнѣ возможно благодаря относительному обилію земли [1]). Черезъ 2—3 поколенія, какъ отчасти уже нынѣ въ области войска Донского, среди казаковъ малоземелье достигнетъ такихъ же размѣровъ, какъ у крестьянъ: при равномѣрномъ распредѣленіи земли на отдѣльный дворъ придется, вѣроятно, уже недостаточное количество десятинъ для устройства раціональнаго хуторского хозяйства. Но правительство, очевидно, не считается со всѣмъ этимъ именно потому, что для него дѣло сводится къ политическому „ходу“, а не къ серьезной постановкѣ вопроса о подъемѣ производительныхъ силъ земледѣльцевъ.

Тѣмъ-же самымъ, конечно, объясняется, что средства, къ которымъ прибѣгаютъ для облегченія перехода къ частной собственности какъ указъ 9 ноября, такъ и разсматриваемый нами проектъ, частью совсѣмъ не отвѣчаютъ этой цѣли, частью же бьютъ гораздо дальше намѣченной цѣли, подобно статьямъ первой группы, которыя мы разсмотрѣли выше.

Наибольшее фактическое примѣненіе получилъ институтъ т. наз. укрѣпленія надѣла. Ст. 8 проекта такъ опредѣляетъ это право: „Каждый домохозяинъ, владѣющій надѣльною землею на общинномъ правѣ, можетъ во всякое время требовать укрѣпленія въ личную его или въ подлежащихъ случаяхъ въ общую съ другими членами семьи собственность причитающейся части изъ означенной земли“. Судя какъ по самому тексту статьи, такъ и по мотивамъ къ ней, имѣлось въ виду

---

[1]) Успѣхъ размежеванія на отрубы общинныхъ земель въ Новоузенскомъ уѣздѣ, напримѣръ, объясняется тѣмъ, что это если не самый многоземельный уѣздъ Европейской Россіи, то одинъ изъ самыхъ многоземельныхъ.

обезпечить каждому общиннику возможность немедленно, простымъ заявленіемъ о выходѣ изъ общины, не только устранить право общины на включеніе его полосъ въ передѣлъ, но и превратить свое право пользованія долею въ общемъ надѣлѣ въ право индивидуальной собственности общаго права (ст. 420 и сл. Зак. Гр.)

Мы оставимъ въ данное время въ сторонѣ вопросъ о цѣлесообразности закрѣпленія въ собственность десятковъ — нерѣдко до 80 и до 100 — полосокъ земли, не имѣющихъ опредѣленныхъ границъ, иногда лишенныхъ самостоятельнаго сообщенія съ дорогами, разбросанныхъ по всѣмъ полямъ и клиньямъ, планъ которыхъ больше всего напоминаетъ дурно отпечатанную нотную бумагу. Мы предлагаемъ чисто юридическій вопросъ,—дѣйствительно ли проектъ устанавливаетъ на „укрѣпленные“ участки право собственности въ томъ видѣ, какъ его понимаетъ гражданское право и въ которомъ оно признается на Западѣ цѣннымъ факторомъ, способнымъ содѣйствовать подъему производительныхъ силъ страны? Съ увѣренностью можно отвѣтить на это, что горькое разочарованіе постигнетъ того „укрѣпившагося“ общинника, который дѣйствительно вообразитъ себя собственникомъ своихъ полосъ и самостоятельнымъ, „крѣпкимъ“ хозяиномъ на нихъ. При первой же попыткѣ перейти къ болѣе раціональному хозяйству или къ болѣе интенсивному использованію своихъ участковъ онъ убѣдится, что законодатель довольно зло подшутилъ надъ нимъ, торжественно назвавъ его личнымъ собственникомъ. Есть этикетка, но нѣтъ содержанія.

Прежде всего — фактически „укрѣпленецъ“ лишенъ возможности осуществлять свои права, даже если бы они были признаны за нимъ безъ всякихъ оговорокъ. Всѣ безъ исключенія новые западно-европейскіе писатели по вопросамъ землеустроительнаго дѣла единогласно признаютъ, что владѣлецъ становится собственникомъ въ полномъ смыслѣ термина только послѣ коммасаціи общинныхъ дѣлянокъ, т.-е. послѣ сведенія ихъ въ отрубы, которыхъ, впрочемъ, безъ большого вреда для мелкаго крестьянскаго хозяйства, можетъ быть и нѣсколько, въ зависимости отъ характера мѣстности и культуръ, при условіи лишь, чтобы они были

не слишкомъ малы и имѣли цѣлесообразную конфигурацію [1]).

Но если западно-европейскій собственникъ раскиданныхъ по общинной территоріи дѣлянокъ только фактически не можетъ сознавать себя полнымъ собственникомъ, то нашъ „укрѣпившійся“ общинникъ и юридически имѣетъ мало общаго съ собственникомъ.

Допустимъ, что онъ, не жалѣя издержекъ, воспользовался правомъ, предоставленнымъ ему ст. 25 проекта,— отграничилъ свои полосы въ натурѣ и нанесъ ихъ на планъ. Не успѣетъ онъ, быть-можетъ, еще извлечь какую бы то ни было выгоду изъ своего, теперь уже казалось бы, вполнѣ обезпеченнаго положенія, какъ его однообщественникъ заявитъ требованіе о выдѣлѣ своихъ участковъ въ отрубъ. Обрадованная этимъ заявленіемъ землеустроительная комиссія, всегда и принципіально признавая „возможнымъ и удобнымъ“ всякій безъ исключенія выдѣлъ, хотя бы отдѣльнаго домохозяина, не теряя времени, смѣститъ „укрѣпленца“ на новыя, быть-можетъ худшія полосы. Право на это дастъ землеустроительной комиссіи п. 2 ст. 32 проекта. Но уже теперь, несмотря на отсутствіе всякихъ указаній на то въ законѣ, она прибѣгаетъ къ такой мѣрѣ на основаніи однихъ министерскихъ правилъ о порядкѣ выдѣла [2]). Нынѣ этотъ процессъ передвижки полосъ, по своимъ невыгоднымъ послѣдствіямъ по существу не отличающійся отъ перемѣщенія ихъ при передѣлѣ, и еще болѣе опасный для собственника, т. к. онъ можетъ наступить совершенно неожиданно, повторяется даже по нѣсколько разъ.

Допустимъ затѣмъ, что „укрѣпленецъ“ захочетъ обезпечить себѣ оборотный капиталъ, безъ котораго, какъ извѣстно, ни о какомъ раціональномъ веденіи хозяйства не можетъ быть рѣчи, и надумаетъ сдать часть своихъ полосъ подъ разработку ископаемыхъ, напримѣръ, огне-

---

[1]) Ср. *Löbe* Die Consolidation: „Manhat im Hannöver' schen die Erfahrung gemacht, dass durch die Zusammenlegung der Grundstücke der Landwirt vollig erst Herr seines Eigentums wrid“. — Тоже подтверждаютъ наблюденія, сдѣланныя въ Австріи. См. *Peyrer* Die Zusammenlegung der Grundstücke (Wien 1873), стр. 19—21.

[2]) Законность этихъ правилъ подлежитъ самымъ серьезнымъ сомнѣніямъ, въ виду ихъ противорѣчія Законамъ Гражданскимъ.

упорной глины или вообще чего-либо, что примѣнительно къ ст. 260 Уст. Горн. отнесено къ „нѣдрамъ“ [1]).

Подлежащія власти немедленно привлекутъ его къ законной отвѣтственности, руководствуясь по вступленіи въ силу проекта статьею 17, а въ настоящее время циркулярной телеграммой (!) министра вн. дѣлъ губернаторамъ отъ 14 авг. 1907 г., № 4160, въ которой говорится: „Домохозяева, укрѣпившіе за собой на основаніи статей 1 — 11 отдѣла I указа 9 ноября 1906 г. участки изъ общинной земли, въ нѣдрахъ которой содержатся перечисленныя въ ст. 260 Уст. Горн. ископаемыя, не пріобрѣтаютъ черезъ то права распоряжаться упомянутыми ископаемыми, разработка коихъ на сихъ земляхъ.... производится на прежнихъ основаніяхъ [2])."

Наконецъ, если бы „укрѣпленецъ“ пожелалъ использовать свое „право личной собственности“ для самыхъ скромныхъ улучшеній, напр., для того, чтобы поставить на своей полосѣ какой-нибудь сарай или другую хозяйственную постройку, или самостоятельно измѣнить принятую въ данномъ обществѣ систему полеводства, то помимо почти неопреодолимыхъ фактическихъ препятствій, онъ натолкнулся бы и на запретъ начальства — органовъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Вопросъ, имѣетъ ли укрѣпленецъ право на только что указанныя дѣйствія, подробно обсуждался на съѣздѣ непремѣнныхъ членовъ губернскихъ присутствій въ 1907 году; при этомъ большинство членовъ съѣзда высказалось въ томъ смыслѣ, что на подобные акты самостоятельнаго распоряженія укрѣпленецъ не имѣетъ права, какъ не имѣютъ его вообще подворные владѣльцы.

Это мнѣніе было признано правильнымъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, которое въ началѣ 1908 г. опубликовало соотвѣтствующее разъясненіе, гдѣ гово-

---

[1]) Ст. 260 Уст. Горн. гласитъ по прод. 1906 г.: „Горному промыслу на основаніи правилъ, изложенныхъ въ ст. 255—333, подлежатъ: 1) металлы и металлическія руды (*кромѣ* розсыпей и коренныхъ мѣсторожденій *золота* и платины); 2) ископаемые угли, горючіе сланцы и смолы (*кромѣ нефти* и янтаря); 3) графитъ; 4) сѣра и сѣрный колчеданъ; 5) огнеупорные глины и камни; 6) квасцовый камень и 7) азбестъ“.

[2]) См. „Извѣстія Земск. Отдѣла“ 1907 г., стр. 355. Это распоряженіе было признано законнымъ на съѣздѣ непремѣнныхъ членовъ губернскихъ присутствій 24 окт. — 1 ноября 1907 г. См. „Труды“ этого съѣзда, стр. 45—46. По дѣйствующему праву оно противорѣчитъ указу 2 Деп. 6 окт. 1908 г. № 4418 (Изв. Земск. Отд. 1908 г., стр. 432—433).

рится: „Даже въ тѣхъ угодьяхъ, въ коихъ за вышедшими изъ общины укрѣплены опредѣленные, въ натурѣ, участки, сохраняется ихъ связь съ земельнымъ обществомъ. Полевыя угодья служатъ большую или меньшую часть года мѣстомъ для пастьбы скота; вслѣдствіе общей пастьбы и черезполосности существуетъ *принудительный съвооборотъ*. Владѣльцы мелкихъ укрѣпленныхъ полосъ по необходимости *должны участвовать въ общемъ съвооборотѣ* и общей пастьбѣ и не могутъ быть лишены права голоса при обсужденіи (на сходѣ) этихъ дѣлъ“ [1]).

Къ чему же сводятся въ такомъ случаѣ преимущественныя права „укрѣпившагося“ члена общины передъ остальными общинниками? Ихъ всего три: надѣлъ крестьянина, укрѣпившаго его за собой, не можетъ быть измѣненъ при передѣлѣ; такой надѣлъ можетъ быть свободно отчужденъ; собственникъ его можетъ потребовать выдѣла полосъ къ одному мѣсту даже помимо общаго передѣла (при передѣлѣ можно требовать выдѣла и безъ предварительнаго укрѣпленія). Первыя два преимущества и составляютъ почти исключительно ту приманку, которая заставляетъ отдѣльныхъ общинниковъ прибѣгать къ укрѣпленію [2]).

---

[1]) См. „Труды“ съѣзда непремѣнныхъ членовъ 1907 года, стр. 43—44. Раз. мин. вн. дѣлъ 26 янв. 1908 г., № 2945. (Изв. Земск. Отд. 1908 г., стр. 162). Въ своихъ замѣчаніяхъ, высказанныхъ на частномъ совѣщаніи членовъ комиссіи Госуд. Совѣта (см. выше, прим. на стр. 96) я ошибочно приписалъ санкцію этого постановленія съѣзда 2 Деп. Сен.

[2]) Въ 50 дѣлахъ объ укрѣпленіи, прошедшихъ черезъ б. консультацію прис. пов. при Московскомъ Столичномъ Мировомъ Съѣздѣ, и случайно взятыхъ на просмотръ, за разное время, просители распредѣлились по профессіямъ слѣдующимъ образомъ: прислуга — 9; торговцы — 7; ремесленники—8; фабричные рабочіе — 10; приказчики — 4; хозяйки, сдающія комнаты—2; кучера—2; занятые земледѣліемъ—3; машинистъ—1; кондукторъ—1; почтальонъ — 1: разносчикъ 1; городовой — 1. Большинство этихъ лицъ одновременно просили указать порядокъ отчужденія укрѣпленной земли. Изъ переговоровъ съ просителями можно было выяснить слѣдующіе преобладающіе мотивы желанія укрѣпить надѣлъ: 1) намѣреніе окончательно ликвидировать связь съ деревней: указывали, что арендная плата, которую они получаютъ за свой надѣлъ, не покрываетъ тѣхъ окладныхъ сборовъ, которые полиція неукоснительно взыскиваетъ съ нихъ; 2) намѣреніе распорядиться землею еще при жизни, минуя прямыхъ наслѣдниковъ, въ пользу другихъ лицъ, которыя не имѣютъ по обычаю права наслѣдовать ее, — особенно часто, когда домохозяинъ состоитъ во второмъ бракѣ; 3) опасеніе, что при ближайшемъ передѣлѣ надѣлъ будетъ уменьшенъ въ виду смерти одного изъ членовъ семьи, дѣтей и т. д. Намѣреніе приступить послѣ укрѣпленія къ какимъ-либо улучшеніямъ въ хозяйствѣ, а тѣмъ болѣе произвести самое укрѣпленіе ради такихъ улучшеній, не высказывалось. Отчасти, конечно, это объясняется составомъ просителей преимущественно изъ городскихъ жителей, но едва ли исключительно этимъ, т. к. у большинства изъ нихъ родственники продолжали жить въ деревнѣ

Обѣ эти выгоды безспорно могли бы быть достигнуты, притомъ безъ тѣхъ неудобствъ для остальныхъ общинниковъ, которыя влечетъ за собою принятый порядокъ, если бы укрѣплялись не полосы, а неизмѣнныя *доли* въ общинной землѣ, говоря иначе,– если бы къ пахоти примѣнялся тотъ же порядокъ, который установленъ указомъ 9 ноября и проектомъ (ст. 14—16) для угодій, передѣляемыхъ на особыхъ основаніяхъ и непередѣляемыхъ. Доля укрѣпившагося общинника не могла бы быть уменьшена при передѣлѣ, а такъ какъ послѣдній происходитъ не чаще, какъ черезъ 12 лѣтъ, то и самыя полосы его не подвергались бы перемѣщенію за это время. На его долю могли бы выдаваться отдѣльные акты укрѣпленія, и она могла бы подлежать отчужденію помимо даже согласія схода и т. д. Быть-можетъ скажутъ, что оцѣнка такой, не фиксированной по своему мѣстоположенію, доли была бы трудна, и при совершеніи сдѣлокъ цѣна ея оказывалась бы ниже обычной для данной мѣстности подесятинной платы. На дѣлѣ, однако, и нынѣ покупатели полностью учитываютъ отмѣченную нами выше неустойчивость владѣнія укрѣпленными полосами, мѣстоположеніе которыхъ и теперь отнюдь нельзя считать обезпеченнымъ несмотря на „акты укрѣпленія“. По расчету на десятины, онѣ оцѣниваются покупателями въ половину и даже еще меньше того, что тѣ же покупатели даютъ за расположенную рядомъ частновладѣльческую землю [1]).

Единственное серьезное возраженіе противъ укрѣпленія *долей*, а не всѣхъ полосъ пахоти, составляло-бы соображеніе, что вполнѣ точная бонитировка надѣла для цѣлей сведенія его въ отрубъ возможна только по отношенію къ площади, конкретно опредѣленной по качеству почвы, свойствамъ подпочвы, степени влажности, уклону къ горизонту, относительной высотѣ и т. д. Но все это могло бы имѣть значеніе, если бы у насъ примѣнились, или если бы можно было ожидать, что хотя въ будущемъ станутъ примѣняться, выработанные на Западѣ точные, вполнѣ научные пріемы оцѣнки полосъ, подле-

---

За сообщеніе этихъ точно провѣренныхъ свѣдѣній приношу благодарность И. С. Урысону.

1) Систематическія свѣдѣнія о цѣнахъ на укрѣпленные надѣлы еще не опубликованы, и мы располагаемъ только отдѣльными данными, хотя и по разнымъ губерніямъ.

жащихъ разверстанію въ отрубы [1]). На дѣлѣ, однако, у насъ пока не прибѣгаютъ къ точной бонитировкѣ полосъ, а отводятъ отрубъ въ столько десятинъ, сколько ихъ показано въ актѣ укрѣпленія полосъ. Но вѣдь столько же ихъ было бы показано и въ актѣ укрѣпленія *доли*. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда землеустроительныя комиссіи прибѣгаютъ къ нѣкоторому подобію бонитировки, онѣ все же исходятъ не изъ оцѣнки конкретныхъ укрѣпленныхъ полосъ, а изъ суммарной оцѣнки всего надѣла общины, а затѣмъ вычисляютъ по документамъ долю каждаго члена въ цѣломъ надѣлѣ, какъ мы укажемъ ниже въ главѣ, посвященной выдѣлу отрубовъ.— Слѣдовательно, отпадаетъ единственное серьезное соображеніе въ пользу укрѣпленія полосъ въ томъ видѣ, какъ оно практикуется нынѣ и какъ оно сохраняется въ проектѣ.

Утвержденіе нѣкоторыхъ авторовъ, наконецъ, какъ напр. А. А. Кофода, что предварительное укрѣпленіе ускоряетъ процессъ выдѣла къ однимъ мѣстамъ, такъ какъ оно почти всегда предшествуетъ послѣднему, основано на разсужденіи, которое представляетъ ложный кругъ. Дѣйствующій законъ облегчаетъ выдѣлъ тому, кто укрѣпитъ свой участокъ, и даже *заставляетъ* предварительно прибѣгать къ этой мѣрѣ; это еще не даетъ права думать, что укрѣпленіе служитъ стимуломъ къ достиженію конечной цѣли. Но главное — укрѣпленіе не полосъ, а *доли* во всѣхъ отношеніяхъ могло бы сыграть такую же роль предварительной стадіи къ сведенію надѣла въ отрубъ [2]).

Выводы ясны: 1) Укрѣпленіе полосъ не устраняетъ послѣдствій черезполосности, принудительнаго сѣвооборота, общей пастьбы и т. п. и не даетъ „укрѣпленцу“ возможности самостоятельно улучшить свое полеводство: слѣдовательно, оно лишено значенія съ точки зрѣнія подъема сельскохозяйственной техники [3]). 2) Укрѣпленіе

---

[1]) Ср. для первой ріентировки въ этихъ вопросахъ книгу: *Vogler* Grundlehren der Kulturtechnik, T. II, 3 изд. (Berlin 1908), стр. 318 сл.

[2]) Замѣчаніе г. Кофода взято изъ отчета о его докладѣ 21 февраля 1909 г. Вольно-Экономическому обществу, помѣщеннаго въ „Трудахъ“ общества 1909 г., № 1—2, стр. 44 сл.

[3]) Болѣе вѣроятнымъ представляется предположеніе, что укрѣпленіе окажется *вреднымъ* для сельско-хозяйственнаго прогресса. „Переходъ къ черезполосному подворному владѣнію съ точки зрѣнія техники сельскаго хозяйства и развитія землеустройства будетъ имѣть лишь отрицательное значеніе“. *Брушкусъ*. Землеустройство и разселеніе (1909), стр. 28.

полосъ фактически вполнѣ игнорируется и, силою вещей, будетъ игнорироваться при разверстаніи угодій къ однимъ мѣстамъ: слѣдовательно оно лишено всякаго значенія и съ точки зрѣнія задачъ землеустройства. 3) Укрѣпленіе полосъ оказывается мѣрою чисто политической, направленной исключительно къ тому, чтобы быстрѣе разрушить общину у крестьянъ, вклинивая въ нее чужія полосы. Но и эта политическая цѣль — недоразумѣніе: это подтверждаетъ то покровительство, которое одновременно оказывается правительствомъ общинному владѣнію въ казачьихъ войскахъ, гдѣ община, очевидно, не вызываетъ опасеній, не считается разсадникомъ соціалистическихъ идей и не служитъ источникомъ аграрныхъ волненій.

Мы нѣсколько отклонились отъ своей прямой задачи, стремясь возможно нагляднѣе показать, что укрѣпленіе *доли* въ общинной землѣ, которое нельзя не признать болѣе правильнымъ юридически, потому что право отдѣльнаго общинника есть именно право на пай, на идеальную долю [1]), а не на какія-либо конкретныя части общаго имущества,—вмѣстѣ съ тѣмъ и въ хозяйственномъ отношеніи представляется болѣе цѣлесообразнымъ и лучше отвѣчаетъ условіямъ разверстанія, какъ оно производится у насъ.

Таковы основныя, принципіальныя сомнѣнія, которыя вызываетъ укрѣпленіе полосъ—это оригинальное нововведеніе указа 9 ноября и проекта. Но и помимо нихъ цѣлый рядъ частностей этого института заставляетъ думать, что онъ не способенъ содѣйствовать упроченію гражданскихъ правъ крестьянъ, но что онъ внесетъ въ юридическій укладъ деревни еще большую смуту, еще сильнѣе спутаетъ земельныя и отчасти даже семейныя отношенія, нежели то успѣло сдѣлать дѣйствующее право, или, точнѣе, господствующее безправіе. Главные спорные вопросы при укрѣпленіи сводятся къ двумъ: о субъектѣ, за которымъ укрѣпляется надѣлъ, и объ объектѣ укрѣпленія. Оставимся нѣсколько на первомъ.

Проектъ рѣшаетъ вопросъ о субъектѣ права на укрѣпленіе въ пользу домохозяина, который признается

---

[1]) Объ этомъ см. нашу статью въ „Вѣстникѣ Права“, 1906, декабрь.

личнымъ, т.-е. индивидуальнымъ собственникомъ всей земли, если онъ отецъ или дѣдъ остальныхъ мужскихъ членовъ семьи (ст. 2, 8, 43). Вопросъ о томъ, вполнѣ ли соотвѣтствуетъ такое рѣшеніе дѣйствовавшему доселѣ праву, имѣетъ теперь уже преимущественно академическій, историческій интересъ. Законодатель воленъ измѣнить дѣйствующее право, и принятое имъ рѣшеніе представляется намъ наиболѣе цѣлесообразнымъ, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія опредѣленности и прочности гражданскихъ правъ крестьянъ [1]). Конструированное сенатомъ на почвѣ дѣйствующаго права „семейное“ владѣніе надѣльной землей страдаетъ крайней неясностью и цѣлымъ рядомъ неразрѣшимыхъ внутреннихъ противорѣчій. Оно придаетъ праву на надѣлъ характеръ связаннаго владѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ почти не обезпечиваетъ младшимъ членамъ семьи дѣйствительной защиты противъ произвола и легкомыслія домохозяина, который можетъ отчуждать надѣлъ, хотя бы безмездно, помимо согласія членовъ семьи и вопреки ихъ протесту. Тѣмъ не менѣе было бы неправильно думать, что сложившаяся нынѣ конструкція, технически столь несовершенная, не имѣетъ никакихъ корней въ законодательствѣ и особенно въ обычаѣ [2]). По крайней мѣрѣ наблюденія, сдѣланныя въ 6. консультаціи присяжныхъ повѣренныхъ при Московскомъ Столичномъ Мировомъ Съѣздѣ, убѣждаютъ, что значительно чаще, чѣмъ по какому бы то ни было другому поводу, въ связи съ вопросами о примѣненіи указа 9 ноября, приходится выслушивать жалобы отъ тѣхъ неотдѣленныхъ членовъ крестьянскихъ семействъ, которые раньше, до укрѣпленія надѣла въ личную собственность домохозяина, посылали—подчасъ весьма значительную—часть своего городского или промысловаго заработка на нужды общаго семейнаго хозяйства, а нынѣ лишаются какого бы то ни было участія въ надѣльномъ имуществѣ, усадьбѣ, общей хатѣ [3]). Укрѣпивъ надѣлъ за собою, домохозяинъ продаетъ его на сторону, даритъ любовницѣ,

---

[1]) Главный дефектъ этого рѣшенія кроется въ неопредѣленности понятія домохозяина. См. *Леонтьевъ* „Крестьянское право“. (1909), стр. 83.

[2]) См. книгу бар. *Мейендорфа* „Крестьянскій дворъ“ (1909), которая не отличается ясностью, но содержитъ богатый законодательный и судебно-административный матеріалъ по данному вопросу.

[3]) Эти свѣдѣнія сообщены мнѣ, главнымъ образомъ, И. С. Урысономъ.

завѣщаетъ кому-нибудь одному изъ дѣтей (особенно часто—отъ второго брака) и т. д. Особый интересъ представляетъ въ этомъ отношеніи, съ юридической точки зрѣнія, положеніе такъ наз. пріймаковъ. Пріймачество, усыновленіе нерѣдко взрослаго работника, обыкновенно зятя, согласно обычному праву представляетъ особый семейноправовой договоръ, притомъ обоюдный, въ силу котораго пріймакъ отдаетъ всю свою рабочую силу двору крестьянина, усыновляющаго его, напр., тестя, а послѣдній какъ бы обязуется передать ему свой дворъ, либо послѣ смерти, либо даже при жизни, когда онъ по старости или болѣзни не сможетъ болѣе вести хозяйство. Не рѣдки случаи, когда послѣднее въ теченіе ряда лѣтъ всецѣло держалось именно на плечахъ пріймака,—а послѣ укрѣпленія надѣла онъ изгоняется изъ двора.

Еще нагляднѣе нарушеніе проектомъ какъ интересовъ младшихъ членовъ семьи, такъ и самыхъ элементарныхъ представленій о справедливости сказывается въ томъ, что онъ лишаетъ младшихъ членовъ всякихъ правъ на укрѣпленную землю, но все же не отмѣняетъ пункта 2 статьи 290 Общ. пол. о Крест. (1902 г.), согласно которому для взысканія недобора съ домохозяина допускается наложеніе ареста на заработную плату, получаемую *членами семьи* неисправнаго домохозяина. Благодаря отсутствію соотвѣтствующей оговорки въ указѣ 9 ноября и въ проектѣ, это постановленіе продолжаетъ примѣняться и, очевидно, будетъ дѣйствовать также впредь, несмотря на то, что оно вызываетъ самые рѣзкіе, вполнѣ основательные протесты со стороны вдвойнѣ обдѣленныхъ членовъ семьи. Такой результатъ примѣненія новаго закона способенъ развѣ только дискредитировать въ молодомъ поколѣніи нашей деревни самый принципъ индивидуальной собственности, насажденіе которой сопровождается подобной вопіющей несправедливостью.

Попутно можно указать еще на одно косвенное послѣдствіе укрѣпленія надѣла въ личную собственность домохозяина. Ни указъ 9-го ноября, ни проектъ не затрогиваютъ въ принципѣ юридическаго положенія тѣхъ членовъ общины, которые не укрѣпили своихъ надѣловъ: они подчиняются во всѣхъ отношеніяхъ прежнему праву; въ частности ихъ надѣлы, кромѣ усадьбы, остаются въ общемъ *семейномъ* владѣніи; на раздѣлъ ихъ семействъ

требуется попрежнему согласіе сельскаго схода, такъ какъ по разъясненію сената [1]) указомъ 5 окт. 1906 г. отмѣнены стт. 38—46 Общ. Пол., основанныя на законѣ 1886 г. о семейныхъ раздѣлахъ, но оставленъ въ силѣ пунктъ 7 статьи 62 Общ. Пол., которымъ къ вѣдѣнію сельскаго схода отнесено „разрѣшеніе семейныхъ раздѣловъ". Въ результатѣ создается совершенно исключительное и, очевидно, ненормальное положеніе: вездѣ, гдѣ часть общинниковъ воспользовалась льготами новаго закона, въ одной и той же деревнѣ оказываются два типа семействъ — одни, организованныя на началахъ, подчасъ номинальной правда, общности семейнаго имущества, гдѣ домохозяинъ только распорядитель, гдѣ младшіе члены семьи могутъ потребовать семейнаго раздѣла и выдѣла имъ части имущества, гдѣ женщины не имѣютъ самостоятельныхъ правъ наслѣдованія,—и другія семьи, которыя усвоили почти всѣ основныя черты семейства общаго гражданскаго права. Наблюденія уже теперь показываютъ, что это положеніе окончательно губитъ „правовую психику" крестьянъ и вноситъ даже въ семейныя отношенія въ нашей деревнѣ ужасающую путаницу.

Признаніе, въ принципѣ, преимуществъ индивидуальной собственности не обязывало законодателя лишить младшихъ членовъ семьи всякой защиты на случай легкомыслія, нехозяйственности, даже безнравственности домохозяина — личнаго собственника [2]). Не отказываясь отъ начала личной собственности, западноевропейскія законодательства выработали разнообразные пріемы ограниченія собственника въ интересахъ семьи, которые не стѣсняютъ особенно сильно его хозяйственной иниціативы и все же обезпечиваютъ крестьянской семьѣ извѣстную устойчивость.

Въ Германіи и Австріи сюда относятся институты

---

[1]) См. указы 2 Деп.—28 февр. 1907 г., № 1342 и 5 ноября 1907 г, № 4955 (Изв. Земск. Отд. 1908 г., стр. 90).

[2]) Слѣдуетъ помнить, что даже та призрачная защита, которую можетъ дать объявленіе домохозяина расточителемъ, въ настоящее время лишена опоры въ законѣ и покоится на шаткомъ и болѣе чѣмъ сомнительномъ основаніи сенатскихъ толкованій и административной практики. Къ тому же установившійся порядокъ объявленія крестьянъ расточителями отличается крайней громоздкостью и почти неизбѣжнымъ произволомъ: крестьяне признаются нынѣ расточителями по постановленію губ. правленія, утвержденному губернаторомъ. См. по этому вопросу обстоятельную статью гр. *С. Л Камаровскаго* въ журналѣ „Вѣстникъ права и нотаріата" (Москва, 1910 г. № 2).

Anerbenrecht, Bestiftungszwang, т. наз. Höfegesetze и т. д.; во Франціи—новый законъ 1909 г. о biens de famille; въ Америкѣ — законы отдѣльныхъ штатовъ о homstead. Большинство этихъ законовъ, однако, за исключеніемъ, напр., дѣйствующихъ въ Тиролѣ, предусматриваютъ только добровольное подчиненіе ихъ нормамъ со стороны каждаго отдѣльнаго собственника. Это объясняется трудностью наложить какія бы то ни было ограниченія на собственность, однажды, въ эпоху слѣпого увлеченія ея „свободой“, объявленную совершенно неограниченной.

Укрѣпленіе у насъ общинныхъ земель въ личную собственность какъ разъ представляетъ удобный моментъ нѣсколько расширить рамки подобныхъ постановленій и сдѣлать примѣненіе ихъ обязательнымъ для мелкихъ землевладѣльцевъ [1]). При первоначальномъ выдѣлѣ изъ общины путемъ укрѣпленія надѣла еще нѣтъ налицо юридическихъ препятствій къ этому. Между тѣмъ практическое значеніе всѣхъ этихъ мѣръ уже доказано быстро возрастающимъ законодательнымъ движеніемъ въ ихъ пользу. Новѣйшія изслѣдованія подтверждаютъ, въ общихъ чертахъ, что тамъ, гдѣ онѣ поставлены разумно, а главное, гдѣ онѣ примѣняются осторожно и цѣлесообразно, онѣ несомнѣнно содѣйствуютъ сохраненію того „крѣпкаго“ крестьянства, о созданіи котораго повидимому мечтаетъ правительство, но для дѣйствительнаго насажденія котораго оно ничего не дѣлаетъ; мало того — возникновенію котораго оно мѣшаетъ слѣпымъ радикализмомъ своихъ мѣръ [2]).

Даже не выходя за предѣлы русскаго законодательства, можно было нѣсколько улучшить положеніе младшихъ членовъ семьи, признавъ, что укрѣпленные участки сразу же становятся родовымъ имуществомъ, каковымъ усадьбы, напр., безъ сомнѣнія и являются по

---

[1]) Это предлагалъ уже сдѣлать В. А. Краснокутскій въ статьѣ, помѣщенной въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, 1909 г., 10 окт.

[2]) Сошлемся, какъ напримѣръ разумнаго осуществленія мѣръ къ поддержанію „крѣпкаго“ крестьянства, на практику примѣненія т. наз. „Höferecht“ въ прусской провинціи Ганноверъ, по даннымъ, сообщеннымъ въ книгѣ *Linckelmann* Höfegesetz für die Provinz Hannover in der Fassung des Gesetzes vom 28 Juli 1909 (Hannover, 1909). Тутъ приводятся наблюденія, подтверждающія на основаніи анкеты 1908 года, „dass die Anwendung des Anerbenrechts in hervorragendem Masse dazu beigetragen hat, die Höfe in der Familie des Grundbesitzers zu erhalten und vor gefahrdrohender Verschuldung zu schützen“.

существу дѣла, такъ какъ онѣ уже раньше, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, находились въ „наслѣдственномъ пользованіи семьи“. Этимъ предупреждались бы, хотя и недостаточно послѣдовательно, случаи наиболѣе грубаго нарушенія интересовъ семьи—дарственное отчужденіе и завѣщаніе имущества въ чужой родъ. Крестьянская семья расшатана въ настоящее время, конечно, не больше, чѣмъ семья высшихъ сословій, но во всякомъ случаѣ и не меньше; она заслуживаетъ хотя бы такой же поддержки, какъ эта послѣдняя [1])!

Установленный указомъ 9 ноября и принятый разсматриваемымъ проектомъ порядокъ укрѣпленія ухудшаетъ, затѣмъ, положеніе жены домохозяина. Въ современной деревнѣ, особенно пригородной, гдѣ укладъ крестьянской жизни уже значительно приблизился къ бытовымъ условіямъ другихъ сословій, нерѣдки случаи, когда приданое жены не состоитъ только въ нарядѣ, а когда она приноситъ въ домъ деньги. Большею частью, однако, согласно обычаю не составляется особой „рядной записи“, а деньги идутъ въ общее, по господствовавшимъ до сихъ поръ воззрѣніямъ, хозяйство, напр., на постройку новой избы. Нерѣдко также жена уже во время брака личнымъ трудомъ или промысломъ, торговлей и т. д. приноситъ въ хозяйство довольно крупныя суммы. Теперь она лишается при укрѣпленіи всякаго права на участіе въ семейномъ имуществѣ [2]). Между тѣмъ и это—результатъ ничѣмъ не оправдываемой прямолинейности закона. Крестьянское обычное право не проводитъ начала раздѣльности имущества супруговъ такъ послѣдовательно, какъ наше писанное право. Признаніе, въ извѣстныхъ

---

[1]) Между тѣмъ, пріемы, къ которымъ прибѣгаютъ представители администраціи при осуществленіи предпринятой нынѣ земельной реформы положительно ведутъ къ еще бо́льшему, чѣмъ донынѣ, расшатыванію семьи. Заманивая домохозяевъ на укрѣпленіе своихъ надѣловъ, непремѣнный членъ губ. присутствія одной изъ центральныхъ губерній, напр., даетъ такое объясненіе: „Какъ только укрѣпитесь, вы будете значить все, а ваши сыновья ничего. Захотите, прогоните ихъ“. Слѣдуетъ помнить, на какую почву падаютъ такія сѣмена. Домохозяева широко пользуются этой возможностью, а молодежъ отвѣчаетъ все возрастающимъ „хулиганствомъ“.

[2]) Намъ извѣстенъ случай изъ практики (подъ Москвою), когда мужъ выстроилъ исключительно на деньги, скопленныя женою, жившей въ городѣ, новую кирпичную избу, а затѣмъ, укрѣпивъ за собою участокъ, продалъ его на сторону, отказываясь выдать женѣ какую-либо часть изъ полученной суммы. Никакихъ законныхъ путей къ защитѣ обездоленной женщины не оказалось.

границахъ, принципа общности имуществъ вполнѣ соотвѣтствовало бы экономическимъ и бытовымъ условіямъ крестьянъ и нисколько не противорѣчило бы проведенію принципа личной собственности. Вѣдь признаютъ же общность имуществъ супруговъ въ различныхъ комбинаціяхъ, притомъ даже въ слишкомъ широкихъ предѣлахъ, на нашъ взглядъ, германское, французское, швейцарское право, а въ предѣлахъ Россіи—польское и прибалтійское право. Все же никто, думается, хотя немного знакомый съ этими системами, не рѣшится отрицать, что онѣ вполнѣ послѣдовательно проводятъ принципъ индивидуальной собственности.

Не было поэтому серьезныхъ препятствій къ тому, чтобы разрѣшить включеніе въ подлежащихъ случаяхъ въ актъ объ укрѣпленіи оговорки о правѣ собственности жены на надѣлъ. Если бы на этой почвѣ предвидѣлись сомнѣнія, то супругамъ слѣдовало предоставить право выяснить вопросъ судомъ, конечно до совершенія акта. Волостной судъ могъ бы примѣнить къ этого рода спорамъ мѣстный обычай, а послѣдующее фиксированіе вывода суда въ актѣ объ укрѣпленіи, т. е. въ порядкѣ вотчинной записи, устранило бы на будущее время всякія сомнѣнія, всякую неясность въ положеніи участка для третьихъ лицъ.

На основаніи же указа 9 ноября 1906 г. и проекта, даже при согласіи мужа признать жену участницей и послѣ представленія удостовѣренія о существованіи соотвѣтствующаго обычая, крестьянскія учрежденія не въ правѣ включить жену въ данную на подворный, а по аналогіи, слѣдовательно, и на укрѣпленный или выдѣленный участокъ [1]).

Еще рѣшительнѣе приходится осудить постановленія проекта объ укрѣпленіи надѣла въ общую собственность нѣсколькихъ членовъ семьи. Эти постановленія страдаютъ

---

[1]) Ук. 2 Деп. 20 марта 1908 № 1865. Любопытна мотивировка. Сенатъ нашелъ, что по „точному“ смыслу указа 9 ноября, лишь въ случаѣ, когда означенные участки находятся въ нераздѣльномъ владѣніи нѣсколькихъ лицъ, не состоящихъ между собою въ родствѣ по прямой нисходящей линіи, они составляютъ „общую ихъ собственность“. (См. Изв. Земск. Отд. 1908 г., стр. 402). Сенатъ полагаетъ, очевидно, что жена состоитъ съ мужемъ въ родствѣ по прямой нисходящей линіи. Иначе непонятно, какимъ образомъ „точный“ смыслъ приведеннаго постановленія можетъ препятствовать признанію участка общей собственностью мужа и жены.

цѣлымъ рядомъ дефектовъ, которые сдѣлаютъ примѣненіе ихъ не только несправедливымъ въ иныхъ случаяхъ, но и технически нецѣлесообразнымъ при всякихъ почти комбинаціяхъ. Ст. 44 проекта постановляетъ: „Въ тѣхъ случаяхъ, когда указанные въ ст. 43 (т. е. подворные или укрѣпленные) участки находятся въ нераздѣльномъ владѣніи (а) матери и дѣтей, или (б) нѣсколькихъ лицъ, не состоящихъ между собою въ родствѣ по прямой нисходящей линіи, они составляютъ общую ихъ собственность".

Первый случай — совладѣніе матери и дѣтей — не былъ особо предусмотрѣнъ въ указѣ 9 ноября; но мин. вн. дѣлъ „разъяснило" подчиненнымъ ему органамъ, что уже теперь мать, хотя бы она признавалась по мѣстному обычаю домохозяйкой на правахъ домохозяина, все же не можетъ укрѣпить за собой всего надѣла, подобно домохозяину—отцу или дѣду [1]). Такое толкованіе представляется по меньшей мѣрѣ сомнительнымъ. Это доказываютъ разногласія, возникшія въ сенатѣ, во 2 Деп. и въ Первомъ Общемъ Собраніи его, по дѣлу крестьянки Варвары Хлѣбниковой, свидѣтельствующія лишній разъ о неудовлетворительности редакціи указа 9 ноября. Проектъ, какъ сказано, рѣшаетъ данную контроверзу, признавъ за матерью—домохозяйкой равныя права лишь съ домохозяиномъ—боковымъ родственникомъ, несмотря на то, что мать состоитъ съ дѣтьми „въ родствѣ по прямой нисходящей линіи". Но онъ оставляетъ открытыми цѣлый рядъ другихъ. Въ частности, лишается ли мать—домохозяйка послѣ того, какъ подростетъ ея сынъ и будетъ признанъ домохозяиномъ, всякаго права на надѣлъ? Вѣдь сынъ—домохозяинъ, тоже состоящій въ родствѣ съ матерью по прямой линіи, по буквѣ закона

---

[1]) Разъясненіе мин. вн. дѣлъ 16 апрѣля 1908 г., № 11640 (Изв. Земск. Отд. 1909 г., стр. 15). Къ такому толкованію присоединяется г. П. въ „Правѣ", 1909 г., № 52, стр. 2910, по поводу дѣла Варвары Хлѣбниковой. Кромѣ общихъ соображеній о неравноправіи крестьянской женщины по обычаю, авторъ не указываетъ, на нашъ взглядъ, достаточныхъ основаній для защищаемаго имъ рѣшенія. Самаго термина „родоначальникъ", которымъ оперируетъ г. П., нѣтъ въ указѣ 9 ноября. Не находимъ мы этого понятія и въ указѣ 2 Деп. 8 мая 1908 г., № 2798, на который онъ ссылается, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ выдержкахъ изъ этого указа, которыя напечатаны въ „Изв. Земск. Отд." за 1908 г., стр. 436—437 Полностью указъ, кажется, нигдѣ не напечатанъ. „Родоначальникъ" появляется лишь въ проектѣ, во второй части ст. 8, гдѣ онъ признается безспорнымъ домохозяиномъ.

имѣетъ право укрѣпить за собою лично весь надѣлъ (ст. 43 и 44). Мать, быть можетъ съ крайнимъ напряженіемъ силъ, „оправдывавшая“ надѣлъ и вскормившая сына, сохранитъ только право на алименты. Или же въ данномъ случаѣ родству по нисходящей линіи должно быть противопоставлено родство по восходящей линіи? Тогда подлежитъ примѣненію только ст. 44 проекта, и надѣлъ долженъ быть укрѣпленъ въ общую собственность сына—домохозяина и матери, вопреки статьѣ 43. Если такъ, то не слѣдуетъ ли распространить это рѣшеніе и на тѣ, не столь уже рѣдкіе случаи, когда отецъ или дѣдъ по дряхлости или болѣзни еще при жизни передали домохозяйство своему нисходящему, и укрѣплять надѣлъ въ общую собственность сына и отца? Не поможетъ выяснить эти вопросы и вторая половина ст. 8 проекта, которая опредѣляетъ порядокъ разрѣшенія споровъ о томъ, кто является домохозяиномъ при отсутствіи „родоначальника“. Въ приведенныхъ нами примѣрахъ, во 1) не отсутствуетъ родоначальникъ въ семьѣ, и во 2) не подлежитъ спору вопросъ, кто изъ членовъ семьи является домохозяиномъ: это несомнѣнно сынъ. Нашъ примѣръ доказываетъ вообще, что „родоначальникъ“ не можетъ считаться домохозяиномъ при всякихъ условіяхъ, какъ думаютъ авторы ст. 8 проекта.

Мы видимъ, законодатель упорно продолжаетъ считаться только съ обыкновеннымъ, наиболѣе частымъ составомъ семьи, даже послѣ того, какъ практика примѣненія указа 9 ноября наглядно выяснила, что въ крестьянской средѣ, какъ и во всякой другой, встрѣчается много случаевъ болѣе сложныхъ комбинацій. Достаточно указать, что проектъ не даетъ возможности справедливо разрѣшить споры и сомнѣнія при наличности въ семьѣ пріймака и разнобрачныхъ дѣтей, когда опасность пристрастнаго отношенія къ дѣтямъ отъ второго брака особенно велика.

Вотъ образчикъ контроверзъ, уже нынѣ возникающихъ на этой почвѣ, взятый изъ жизни, не представляющій притомъ ничего исключительнаго. Крестьянка-вдова, имѣющая одну только дочь, усыновила въ установленномъ порядкѣ зятя—мужа дочери (пріймака). Затѣмъ зять былъ признанъ по приговору сельскаго общества домохозяиномъ въ семьѣ и тотчасъ потребовалъ укрѣп-

ленія всего надѣла въ свою личную собственность. Онъ, очевидно, не ладилъ съ женой и тещей, и послѣднія, съ своей стороны, заявили права на надѣлъ, — мать, какъ бывшая домохозяйка, которая не можетъ быть обезземелена, а дочь—какъ законная, по мѣстному обычаю, наслѣдница послѣ своего отца (въ полевомъ надѣлѣ — до слѣдующаго передѣла). Едва ли можно отрицать, что „точный“ смыслъ указа 9 ноября, а нынѣ и проекта, на сторонѣ домохозяина, т. к. усыновленный вообще приравнивается къ нисходящимъ [1]). О возможности же признать совладѣлицей укрѣпляемаго надѣла жену, законъ не говоритъ, и по толкованію сената это даже недопустимо (см. выше). Но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшеніе вопроса въ пользу одного пріймака противорѣчитъ неотмѣненному, казалось бы, началу наслѣдованія крестьянъ по обычаю [2]).

Загадки, которыя будетъ задавать порядокъ укрѣпленія надѣла въ общую собственность, не ограничиваются приведенными. Вполнѣ ли свободно, по своему усмотрѣнію, дѣйствуетъ при укрѣпленіи надѣла домохозяинъ, имѣющій боковыхъ родственниковъ, или же онъ разсматривается только какъ необходимый представитель этихъ родственниковъ? Напримѣръ, можетъ ли онъ отказаться отъ части надѣла,—что въ правѣ сдѣлать домохозяинъ—восходящій родственникъ? Можетъ ли онъ, возбудивъ вопросъ объ укрѣпленіи, затѣмъ отказаться отъ него, хотя бы въ ущербъ интересамъ младшихъ братьевъ? На практикѣ нерѣдко возникаетъ вопросъ—какъ младшимъ членамъ семьи заявить требованіе объ укрѣпленіи надѣла, когда старшій братъ, домохозяинъ, находится въ продолжительной отлучкѣ. Смѣщать его съ домохозяйства, быть-можетъ, сходъ не согласенъ; но интересы семьи могутъ вмѣстѣ съ тѣмъ требовать быстраго рѣшенія вопроса,—напр., въ виду предстоящаго передѣла. Министерство

---

[1]) „Зять, перешедшій въ домъ своего тестя, по обычному названію „пріймакъ“, считается вступившимъ во всѣ права сына тестя“. Рѣш. 1 Общ. Собр. 14 дек. 1890 и 31 янв. 1892 г. № 28.

[2]) Какъ трудно выйти изъ созданныхъ такимъ образомъ противорѣчій, хорошо показываетъ попытка по возможности справедливо разрѣшить упомянутый въ текстѣ казусъ въ „Сельскомъ Вѣстникѣ“ (1910 г., № 5, стр. 5), изъ вопросовъ которому онъ нами заимствованъ. Редакція „С. В.“ пытается свести все къ „мѣстному обычаю“, т.-е. просто оставить вопросъ открытымъ. Гдѣ въ указѣ 9 ноября говорится, что укрѣпленіе производится согласно мѣстному обычаю? Проектъ тоже игнорируетъ обычай.

вн. дѣлъ пыталось разъяснить, что въ такихъ случаяхъ даже младшіе члены семьи имѣютъ право возбудить вопросъ объ укрѣпленіи надѣла, конечно, лишь въ общую собственность съ отсутствующимъ домохозяиномъ [1]). Ни указу 9 ноября, ни проекту это, очевидно, не соотвѣтствуетъ. Единственный законный исходъ для младшихъ членовъ семьи—требованіе семейнаго раздѣла. Но допуститъ ли его сходъ въ отсутствіе домохозяина (ст. 62, п. 7 Общ. Пол.) по просьбѣ только лицъ, еще не имѣющихъ права голоса на сходѣ? Въ данномъ случаѣ лишній разъ обнаруживается, какъ неудачно сосредоточеніе „всей полноты власти“, даже въ дѣлахъ чисто гражданско-правовыхъ, въ рукахъ домохозяина, личность котораго опредѣляется въ значительной степени по мотивамъ публично-правовымъ (податной исправностью, необходимостью участія въ сельскомъ сходѣ и т. д.). Каждый членъ семьи долженъ быть въ правѣ самостоятельно защищать свои личныя гражданскія права,—въ данномъ случаѣ свое право быть признаннымъ сособственникомъ надѣла. Больше всего, конечно, отъ принятаго рѣшенія будутъ страдать малолѣтніе боковые родственники—сироты, положеніе которыхъ едва ли существенно улучшается ст. 27 проекта.

Особенно чревато осложненіями и спорами то обстоятельство, что надѣлъ укрѣпляется въ общую собственность безъ указанія долей отдѣльныхъ сособственниковъ. О пріобщеніи совладѣльцевъ къ общему гражданскому праву при такихъ условіяхъ нельзя говорить. Сособственность безъ опредѣленныхъ долей немыслима съ точки зрѣнія дѣйствующаго общаго русскаго гражданскаго права. Продать, напр., долю въ ней юридически невозможно, разъ дѣло идетъ объ участіи въ надѣльной землѣ, которая, согласно ст. 45 проекта, должна отчуждаться только общимъ крѣпостнымъ порядкомъ. Старшій нотаріусъ не можетъ утвердить акта безъ точнаго указанія доли отчуждающаго. Чтобы обезпечить себя, каждому такому совладѣльцу придется немедленно по укрѣпленіи надѣла вчинять искъ о раздѣлѣ земли въ волостномъ судѣ или получать второй документъ-рѣшеніе, удостовѣряющее размѣръ его доли. Было бы правильнѣе въ по-

[1]) Раз. мин. вн. дѣлъ по Земск. Отд. 20 марта 1908 г., № 8895.

добныхъ случаяхъ предоставить будущимъ сособственникамъ выяснить еще до укрѣпленія свои доли и занести таковыя въ актъ укрѣпленія. Тогда послѣдній хотя нѣсколько приблизился бы къ понятію акта, заслуживающаго названіе крѣпостного документа.

Статьи 38—40 проекта касаются частнаго случая. Онѣ опредѣляютъ право на укрѣпленіе надѣла со стороны переселенцевъ. За послѣдними признаются двѣ существенныя привилегіи, не лишенныя опасныхъ сторонъ. Первая изъ нихъ, установленная ст. 38, во всякомъ случаѣ способна внести лишнія пертурбаціи въ среду уже помимо того хаотичную. Согласно поправкѣ, внесенной Думою, переселенцы сохраняютъ право на укрѣпленіе за собою надѣла „въ мѣстахъ ихъ выхода“ въ теченіе двухъ лѣтъ со дня окончательнаго перечисленія ихъ по мѣсту новаго водворенія, т.-е. въ теченіе болѣе трехъ лѣтъ послѣ фактическаго выхода изъ своего общества, т. к. перечисленіе изъ одного оклада въ другой казенными палатами въ порядкѣ приложенія къ ст. 586 (прим.) Устава о Прямыхъ Налогахъ требуетъ не меньше года времени. Къ концу такого періода легко можетъ оказаться, что общество успѣло иначе распорядиться освободившимися надѣлами. Запоздавшее требованіе объ укрѣпленіи будетъ сталкиваться съ установленными вновь и, въ виду обычно-правовыхъ, признававшихся до сихъ поръ самимъ правительствомъ взглядовъ, вполнѣ добросовѣстно пріобрѣтенными правами[1]).

Затѣмъ переселенцамъ,—и по argumentum a contrario только имъ,—разрѣшается уже до укрѣпленія надѣла переуступать отдѣльнымъ членамъ своего общества самое право на укрѣпленіе ихъ надѣла. Послѣдній отчуждается посредствомъ уступочной записи, совершаемой въ волостномъ правленіи, при чемъ онъ разсматривается какъ нѣкоторая universitas. Ст. 39 говоритъ: „Членъ общества, въ пользу котораго сдѣлана такая переуступка, вступаетъ въ права прежняго владѣльца въ томъ объемѣ, въ какомъ они принадлежали послѣднему въ моментъ подачи имъ заявленія объ укрѣпленіи“. Здѣсь проектъ, въ сущности, признаетъ за правомъ общинника характеръ не права

---

[1]) См. ук. 2 Деп. Сен. 21 и 30 мая 1909 г., № 3500 и 4376.

на отдѣльныя полосы земли и т. д., а доли, *пая* въ общемъ имуществѣ. Очевидно, даже съ точки зрѣнія проекта, не встрѣтилось бы принципіальныхъ препятствій къ укрѣпленію во всѣхъ случаяхъ именно пая или доли, а не только отдѣльныхъ полосъ.

Второй проблемой, возникающей по поводу укрѣпленія, является вопросъ о его объектѣ, о тѣхъ частяхъ общиннаго имущества, которыя должны перейти въ личную собственность члена общины, выходящаго изъ ея состава. Мы не будемъ теперь подробно останавливаться на этой сторонѣ дѣла, т. к. мы уже обсудили ее, разсматривая постановленія указа 9 ноября, отъ котораго проектъ почти не отступаетъ по данному вопросу [1]). Напомнимъ лишь вкратцѣ основные дефекты въ его рѣшеніи съ юридической точки зрѣнія.

а) Проектъ не выдѣляетъ предварительно изъ состава общинной территоріи той ея части, которая служитъ публичнымъ интересамъ сельскаго общества, которая составляетъ не общинную, а общественную собственность его. Если допустить, что проектъ будетъ дѣйствительно осуществленъ со всей той послѣдовательностью, съ которой онъ задуманъ, то у сельскаго общества не должно остаться въ будущемъ и пяди земли, кромѣ развѣ улицъ съ проулками, да, быть-можетъ, участковъ, которые отойдутъ къ нему въ качествѣ выморочныхъ. Между тѣмъ, каждая, даже самая мелкая, единица самоуправленія нуждается въ небольшой собственной территоріи для постановки общественныхъ зданій, школы, больницы, для цѣлей благоустройства, наконецъ, для цѣлей соціальной политики, какъ-то для устройства рабочихъ жилищъ и т. д. Пріобрѣтать каждый разъ землю для этого мелкой единицѣ будетъ не подъ силу. Оставленіе же въ ея владѣніи теперь, при раздѣлѣ, соразмѣрнаго числу ея жителей участка общинной территоріи оказало бы едва замѣтное вліяніе на размѣры отдѣльныхъ отрубовъ или хуторовъ.

Почти всѣ извѣстныя намъ иностранныя законодательства серьезно считаются съ этимъ соображеніемъ. Въ видѣ примѣра укажемъ на основной англійской законъ о раздѣлѣ общинныхъ земель 8 авг. 1845 г. (8а. 9 Vic-

---

[1]) См. нашу статью въ „Вѣстникѣ Права“ 1906 г., декабрь.

toria, ch. 118) Секція XIV этого закона постановляетъ, что общинныя угодья, главнымъ образомъ луга и лѣса, на опредѣленномъ разстояніи отъ городовъ могутъ быть раздѣлены только въ силу спеціальнаго частнаго парламентскаго акта (т.-е. съ соблюденіемъ особой осторожности). Секція XV совсѣмъ воспрещаетъ раздѣлъ нѣкоторой части городскаго или деревенскаго выгона, который обязательно отводится въ общественное пользованіе, чтобы служить мѣстомъ для подвижныхъ игръ, для устройства общественнаго сада и т. д. [1]).

Даже столь извѣстный своимъ радикализмомъ декретъ Конвента отъ 10—11 іюня 1793 г. исключаетъ изъ дѣлежа нѣкоторыя, правда незначительныя, части угодій коммуны [2]).

Наиболѣе удачно съ точки зрѣнія соблюденія не только общественныхъ интересовъ, но и правильной юридической конструкціи раздѣла земель общины между ея членами, ставятъ вопросъ германскіе и австрійскіе законы. Раздѣлъ или выдѣлъ могутъ быть юридически оправданы только относительно частно-правового имущества общины, точнѣе, относительно всего ея имущества, поскольку сама община является субъектомъ исключительно *гражданскихъ* правъ на опредѣленную недвижимость, коллективной носительницей ихъ, юридическимъ фокусомъ множественности частныхъ правъ. Въ германской общинѣ стараго типа такъ же, какъ въ современной русской общинѣ, ея публично-и ея частно-правовая сторона смѣшивались, отчасти даже сливались настолько тѣсно, что отличить ихъ на практикѣ было весьма трудно.

Все же теоретически это разграниченіе ясно, и законъ можетъ принять вполнѣ дѣйствительныя мѣры, чтобы съ достаточнымъ приближеніемъ провести его въ жизнь. Именно въ этомъ отношеніи не только германское законодательство, но еще болѣе *практика* германскаго земле-

---

[1]) „XV: Provided also, and be it enacted, that no land situate within fifteen miles of the city of London, or within two miles of any city or town of ten thousand inhabitants.... shall be subject to be inclosed under the provisions of this Act... XVI: And be it enacted, that no town green or village green shall be subject to be enclosed under this Act.... that such village green be allotted to the churchwardens and overseers of the poor of such parish in trust to allow the same to be used for the purposes of exercise and recreation“..

[2]) Décret concernant le mode de partage des biens communaux, section I, art. 5: „Seront pareillement (какъ лѣсъ—art. 4) exceptés du partage les places, promenades... et *terrains* destinés au service public“...

устроительнаго дѣла являются образцовыми. Германскіе, въ частности прусскіе законы были первоначально — не теперь—чрезвычайно радикальны, проводили слишкомъ прямолинейно принципъ раздѣла всего, что только можно подѣлить. Но самый раздѣлъ общинныхъ угодій уже тогда производился безъ нарушенія чьихъ бы то ни было признанныхъ закономъ правъ, точно и справедливо.

Типичное рѣшеніе конкретнаго вопроса, только что возбужденнаго, даютъ постановленія указа о раздѣлѣ общинныхъ угодій въ прусской провинціи, прежнемъ Великомъ Герцогствѣ, *Гессенъ* (Hessen-Nassau) отъ 13 мая 1867 г., замѣнившаго несовершенные пріемы прежней „нассауской системы“ [1]). § 5 указа говоритъ: „Имущество, предназначенное для несенія повинностей и расходовъ общины (называемое въ городахъ Kämmereivermögen), никогда не можетъ быть превращено въ частную собственность отдѣльныхъ членовъ общины посредствомъ его раздѣла“. Это постановленіе затѣмъ подробно и точно развивается дополнительными техническими инструкціями землеустроительнымъ комиссіямъ [2]).

Аналогичныя указанія, хотя менѣе точныя, содержатъ австрійскіе законы, изданные для отдѣльныхъ „земель“ на основаніи имперскаго закона 7 іюня 1883 г. Напр., § 2, абз. 3 зак. 11 октября 1892 для Зальцбурга постановляетъ: „Напротивъ, не должны быть отнесены къ участкамъ, указаннымъ въ § 1 (т.-е. подлежащимъ раздѣлу), входящіе въ составъ „Stammvermögen“ общины, которыми члены общины не пользуются непосредственно, но доходъ отъ которыхъ извлекается путемъ отдачи ихъ въ аренду или инымъ способомъ въ пользу общинной кассы“. Короче еще формулируетъ это положеніе § 2, абз. 4, зак. 9 дек. 1899 г. о раздѣлѣ общинныхъ угодій въ Галиціи, который исключаетъ изъ раздѣла вообще все „Stammvermögen“ общины. Лучшій знатокъ австрійскаго аграрнаго законодательства, проф. Шифъ, отмѣчаетъ не-

---

[1]) См. комментарій къ указу: *Mahraun* Die Gemeinheitsteilungsordnung für den Regierungs bezirk Cassel. (Marburg 1899). стр. 31 сл.

[2]) Этотъ указъ изданъ, подобно указу 9 ноября, въ чрезвычайномъ порядкѣ, почти немедленно послѣ аннексіи Вел. Герц. въ такъ наз. Dictatur periode, и вызвалъ еще въ 1873 г. въ прусскомъ ландтагѣ рѣшительную критику извѣстнаго цивилиста Dr. O. Bahr. Все же *по существу* указъ отличается большими достоинствами, и со временемъ населеніе аннектированнаго герцогства вполнѣ примирилось съ нимъ.

полноту подобныхъ постановленій и необходимость болѣе точныхъ гражданско-правовыхъ нормъ для удовлетворительнаго рѣшенія этого наболѣвшаго и въ Австріи вопроса. Въ результатѣ многочисленныхъ злоупотребленій на этой почвѣ общины тамъ подчасъ лишались участковъ, безусловно необходимыхъ имъ въ цѣляхъ осуществленія своихъ публично-правовыхъ обязанностей [1]).

Нашъ будущій законъ и въ разсматриваемомъ отношеніи окажется вполнѣ достойнымъ своихъ авторовъ: онъ одинъ изъ самыхъ радикальныхъ въ Европѣ. Онъ не только не принимаетъ никакихъ мѣръ для предупрежденія аналогичныхъ результатовъ, но своей формулировкой онъ препятствуетъ даже какой-либо иниціативѣ въ этомъ направленіи со стороны членовъ общины, лучше понимающихъ ея интересы въ будущемъ.

б) Угодья, подлежащія укрѣпленію за домохозяиномъ, дѣлятся проектомъ на три категоріи. Первую изъ нихъ составляютъ участки общинной земли, предоставленные семьѣ въ постоянное, впредь до слѣдующаго общаго передѣла, пользованіе. Проектъ исходитъ изъ того принципа, что выбывающему изъ общины домохозяину причитается все, что по послѣднему передѣлу было отведено на тѣ разверсточныя единицы, которыя входили въ составъ его семьи во время постановленія приговора о передѣлѣ, то-есть все, чѣмъ его семья фактически пользовалась на „общинномъ“ правѣ со времени этого передѣла. Такой способъ для опредѣленія объема его правъ нѣсколько отступаетъ отъ постановленія ст. 12 Общ. Пол. Ст. 12 говоритъ о выдѣлѣ участка, соразмѣрнаго съ долею участія члена общины въ пріобрѣтеніи земли. Однако всѣми — какъ сторонниками, такъ и противниками выдѣла—признается, что въ настоящее время на этомъ основаніи нельзя опредѣлить пая отдѣльнаго члена общины. Причины этой невозможности усматриваются обыкновенно только въ томъ, что въ теченіе выкупного періода не велось достаточно полной отчетности по уплатѣ выкупного долга, и нельзя опредѣлить, сколько внесъ каждый членъ общины или его правопредше-

---

[1]) См. *Schiff* Österreichs Agrarpolitik seit der Grundentlastung (Tübingen 1898), стр. 279 и въ другихъ мѣстахъ. Законы для отдѣльныхъ „земель“ издаются въ особой коллекціи австрійскимъ министерствомъ земледѣлія.

ственникъ. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что даже точное возстановленіе окладныхъ листовъ и платежей по отдѣльнымъ срокамъ не рѣшило бы поставленнаго вопроса. Выкупные платежи много разъ понижались, отсрочивались, пересрочивались, недоимки по нимъ слагались, наконецъ, нерѣдко за однихъ домохозяевъ-недоимщиковъ — платили другіе на основаніи круговой поруки и т. д. Соотвѣтствіе между долей въ пользованіи надѣломъ и долей въ погашеніи выкупного долга уже принципіально нарушалось тамъ, гдѣ производились передѣлы не по ревизскимъ душамъ. Малоземельные домохозяева, платившіе много лѣтъ за 2 или 3 души, получали подъ конецъ, быть-можетъ послѣ сложенія выкупного долга, надѣлъ на 5 или на 6 душъ, и наоборотъ. Наконецъ, вообще, расчетъ доли по выкупному долгу можетъ-быть примѣненъ только съ большею натяжкою къ категоріямъ крестьянъ, не облагавшимся выкупными платежами, какъ крестьяне-дарственники.

Но кромѣ такихъ, преимущественно фактическихъ препятствій къ осуществленію требованія ст. 12 Общ. Пол., можно указать принципіальное, юридическое основаніе, по которому это требованіе почти съ самого начала утратило свое основаніе. Какъ вполнѣ правильно уже было замѣчено въ нашей публицистической литературѣ, выкупная операція на дѣлѣ оказалась построенной на другихъ началахъ, нежели предполагали редакціонныя комиссіи, авторы статьи 12 (36) Общ. Пол. Выкупъ былъ организованъ какъ выкупъ повинностей, оброчной и натуральной (барщины), а не какъ покупка земли или какъ оплата ссуды для покупки ея [1]).

Въ виду этого въ настоящее время единственнымъ

---

[1]) Впервые, кажется, этотъ взгдядъ былъ высказанъ вполнѣ опредѣленно большинствомъ земскихъ экспертовъ (повидимому подъ вліяніемъ одного изъ нихъ, Д. Ѳ. Самарина), приглашенныхъ въ особое совѣщаніе, созванное въ іюнѣ 1881 г. для обсужденія вопроса о пониженіи выкупныхъ платежей. Послѣдніе должны были разсматриваться, по ихъ мнѣнію, какъ платежи, „которыми выкупается не рента за землю, а вотчинно-личная повинность“. (См. *Д. Ѳ. Самаринъ* Собраніе статей, т. I (1903), стр. 161). За послѣднее время эта конструкція выкупа снова выдвигается въ статьяхъ *Ѳ. Д. Самарина* („Создано ли выкупомъ право личной собственности крестьянъ на ихъ надѣльныя земли?“ въ газетѣ „Русская земля“ 7 ноября 1908 г., № 814, и др.).

На нашъ взглядъ, однако, дальнѣйшій выводъ этихъ авторовъ признанія государственно-правового характера за владѣніемъ надѣльной землей— не оправдывается закономъ.

возможнымъ основаніемъ для опредѣленія пая въ общинныхъ угодьяхъ, не только фактически, но и юридически, является разверстка надѣла по рѣшенію собственника земли—общины. Послѣдняя распредѣляетъ паи, однако, не навсегда, а до слѣдующаго передѣла, при которомъ снова возстановляется соотвѣтствіе между тѣмъ количествомъ разверсточныхъ единицъ, которыя къ этому времени окажутся въ составѣ каждаго отдѣльнаго двора (хозяйства), и фактическимъ участіемъ послѣдняго въ передѣляемыхъ угодьяхъ, если въ періодъ между передѣлами соотвѣтствіе между тѣмъ и другимъ нарушилось вслѣдствіе ли увеличенія или же уменьшенія числа разверсточныхъ единицъ въ семьѣ. Наиболѣе прочное право, способное пережить передѣлъ, семья получаетъ, слѣдовательно, только на такое число паевъ, которое соотвѣтствуетъ *наличному* составу въ ней разверсточныхъ единицъ [1]).

При ликвидаціи связи семьи съ общиной наиболѣе правильнымъ является поэтому укрѣпленіе за ней части передѣляемыхъ угодій, причитающейся ей согласно послѣднему передѣлу на то количество разверсточныхъ единицъ, которое входитъ въ ея составъ въ моментъ выхода изъ общины. Во всякомъ случаѣ, нынѣ дѣйствующій законъ (ст. 12 Общ. Пол.) въ сущности исходитъ изъ такой именно точки зрѣнія, говоря о правѣ на каждаго „члена“ общины, каковыми являются не одни только домохозяева [2]). Домохозяинъ же, требующій укрѣпленія или выдѣла, является какъ бы представителемъ членовъ семьи, осуществляетъ ея права. Вполнѣ наглядно эта его роль выступаетъ лишь тогда, когда онъ не состоитъ „родоначальникомъ“ остальныхъ „разверсточныхъ единицъ“ семьи и требуетъ укрѣпленія надѣла въ общую

---

[1]) Мы прибѣгаемъ къ осторожному выраженію, говоря только о „наиболѣе“ прочномъ правѣ потому, что община можетъ при передѣлѣ не только перераспредѣлить землю согласно новымъ комбинаціямъ разверсточныхъ единицъ, но можетъ измѣнить самыя основанія разверстки, напр., перейти отъ передѣла по ѣдокамъ (включая женщинъ) къ передѣлу по взрослымъ работникамъ—мужчинамъ и т. п., и затѣмъ отобрать у какой-либо семьи часть надѣла, хотя бы въ ея составѣ не произошло никакихъ перемѣнъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда основанія разверстки остаются прежнія, количество земли, причитающееся на отдѣльную разверсточную единицу можетъ измѣниться, напр., уменьшиться вслѣдствіе прироста числа членовъ общины, или увеличиться, если возрастетъ постоянный, на продолжительные сроки, отходъ въ городъ.

[2]) См. нашу статью въ „Вѣстникѣ Права“, 1906 г., № 4.

собственность съ боковыми родственниками. Но и въ остальныхъ случаяхъ его положеніе не можетъ быть объяснено иначе. Послѣ выдѣла только онъ превращается въ личнаго носителя всѣхъ правъ.

Въ принципѣ указъ 9 ноября и проектъ тоже какъ бы исходятъ изъ этого основанія. За домохозяиномъ, выбывающимъ изъ общины, производящей передѣлы, „укрѣпляются всѣ участки общинной земли, предоставленные ему (точнѣе его семьѣ) въ постоянное, впредь до слѣдующаго общаго передѣла, пользованіе“, только въ томъ случаѣ, если количество разверсточныхъ единицъ въ семьѣ не уменьшилось (ст. 9). Но проектъ не проводитъ послѣдовательно этотъ принципъ. Онъ допускаетъ затѣмъ (ст. 10 и 11) укрѣпленіе также доли земли, которая причитается на выбывшія къ этому времени изъ состава семьи разверсточныя единицы, на „мертвыя души“, при условіи уплаты общинѣ стоимости такого „излишка“ по соглашенію, а если оно не состоится, то по оцѣнкѣ. Опредѣленіе этимъ путемъ платы за „излишки“, несомнѣнно, правильнѣе оцѣнки ихъ, согласно указу 9 ноября, по „первоначальной средней выкупной цѣнѣ за десятину предоставленныхъ въ надѣлъ данному обществу угодій“. Это постановленіе избавляетъ отъ необходимости прибѣгать къ нарушенію закона, которое вызывается въ настоящее время невозможностью примѣнить его указанія къ цѣлымъ категоріямъ земель, напр., къ надѣлу „дарственниковъ“, „панцырныхъ бояръ“ и другихъ крестьянъ, совсѣмъ не облагавшихся выкупными платежами [1]).

Рѣшеніе вопроса въ проектѣ можно признать вообще наиболѣе правильнымъ изъ всѣхъ возможныхъ пріемовъ расчета между общиной и ея членами, поскольку дѣло идетъ объ укрѣпленіи земли, причитавшейся нисходящему родственнику домохозяина. Допустимъ, напр., что у домохозяина умеръ сынъ, и вслѣдствіе этого освободился одинъ пай; едва-ли кто-либо имѣетъ больше правъ на него, чѣмъ отецъ: хотя „разверсточной единицей“ былъ сынъ, но обрабатывалъ и „оправдывалъ“ такой надѣлъ, т.-е. несъ обременявшія его повинности, преимуществен-

[1]) Теперь „излишки“ оцѣниваются въ такихъ случаяхъ по оцѣнкѣ надѣла сосѣднихъ обществъ.

но отецъ; а главное, при жизни сына участокъ былъ бы признанъ личной собственностью отца; слѣдовательно отецъ имѣлъ на него уже нѣкоторую Anwartschaft. Но всѣ эти соображенія отпадаютъ, когда число разверсточныхъ единицъ въ семьѣ уменьшилось вслѣдствіе смерти бокового родственника домохозяина. Останься въ живыхъ такой родственникъ, право собственности на участокъ было бы признано за нимъ самимъ — въ качествѣ самостоятельнаго сособственника укрѣпленнаго надѣла, а не за домохозяиномъ. Слѣдовательно, отпалъ *самостоятельный* членъ общины. Вмѣстѣ съ тѣмъ боковой родственникъ домохозяина не можетъ опереть свое притязаніе на передѣляемыя угодья на право наслѣдованія, т. к. право участія въ общинныхъ угодьяхъ въ великорусской общинѣ есть личное право, а по конструкціи сената даже право публичное [1]).

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ не было, слѣдовательно, достаточныхъ юридическихъ основаній признать преимущественное передъ общиною право домохозяина на выморочный пай, причитавшійся участнику, котораго самъ проектъ объявляетъ самостоятельнымъ субъектомъ права на укрѣпленіе земли.

в) Вторую группу правъ участія въ общинномъ надѣлѣ, подлежащихъ укрѣпленію за домохозяиномъ, составляютъ доли въ угодьяхъ, передѣляемыхъ на особыхъ основаніяхъ и непередѣляемыхъ (стт. 14—16 проекта). Прежде всего здѣсь бросается въ глаза не совсѣмъ понятное распредѣленіе угодій по этимъ двумъ категоріямъ. *Лѣсъ* отнесенъ къ угодьямъ передѣляемымъ, очевидно, передѣляемымъ въ настоящее время, по дѣйствующему праву. Между тѣмъ еще недавно сенатъ призналъ, что передѣлъ лѣса наравнѣ съ прочими угодьями не соотвѣтствуетъ цѣли отвода крестьянамъ лѣсного надѣла, стѣсняетъ общество въ его распоряженіяхъ имъ и допущенъ быть не можетъ [2]). Вообще проектъ какъ-будто совершенно не считается съ тѣмъ, что существуетъ обширная категорія крестьянъ на сѣверо-востокѣ и на сѣверѣ изъ числа бывшихъ государственныхъ, которые

---

[1]) См. выше стр. 84, гдѣ говорится о порядкѣ защиты права общинника на надѣленіе его землей.

[2]) Ук. 2 Деп. 28 апр. 1908 г., № 2469 (см. „Изв. Зем. Одт. 1908 г. стр. 367).

получили свои лѣсные надѣлы на особыхъ основаніяхъ (Уст. Лѣсн. 1905 г., ст. 643 сл.), и что, кромѣ того, существуетъ рядъ ограниченій для другихъ категорій надѣльныхъ лѣсовъ, которыя окажутся въ противорѣчіи съ постановленіями проекта. Столкновенія между этими двумя группами нормъ станетъ новымъ и обильнымъ источникомъ недоразумѣній на мѣстахъ и еще усилитъ у заинтересованныхъ лицъ чувство необезпеченности ихъ правъ въ этихъ угодьяхъ.

Проектъ торжественно провозглашаетъ долю „укрѣпленца“ даже въ непередѣляемыхъ угодьяхъ неизмѣнной. Но какими практическими мѣрами гарантируетъ онъ ея неизмѣнность? При укрѣпленіи часто оказывается невозможнымъ въ точности исполнить требованіе проекта— п. б. ст. 20 — точно указать, какое количество земли соотвѣтствуетъ каждой разверсточной единицѣ. Тѣмъ труднѣе будетъ фиксировать „размѣръ дѣйствительнаго пользованія ко времени подачи заявленія объ укрѣпленіи“, который нигдѣ и ничѣмъ не будетъ удостовѣряться, кромѣ часто непрочной въ такихъ вопросахъ памяти старожиловъ и окольныхъ людей, къ тому-же большею частью заинтересованныхъ лицъ. При выдачѣ актовъ на укрѣпленіе проектъ вообще не обязываетъ точно указывать въ нихъ размѣры доли, напр., количество саженъ дровъ или возовъ хвороста, которые можетъ періодически получать домохозяинъ. Пунктъ 3 ст. 47 говоритъ, что удостовѣрительный приговоръ долженъ только содержать указаніе на право владѣльца участка на участіе въ угодьяхъ общаго пользованія, какъ въ передѣляемыхъ (*—на особыхъ основаніяхъ ? АВ.*) такъ и въ непередѣляемыхъ; притомъ въ основаніе должно быть положено указаніе на размѣры пользованія не ко времени подачи заявленія объ укрѣпленіи (ст. 15), а уже ко времени составленія приговора. Предполагается, что между этими двумя моментами не должно быть различія; но вѣдь оно будетъ de facto, въ этомъ трудно сомнѣваться, зная неустойчивость всѣхъ отношеній въ нашей деревнѣ, гдѣ даже объявленіе усадебъ личной собственностью не обезпечило пока неизмѣняемости ихъ границъ.

Кромѣ возраженій съ точки зрѣнія юридической техники, постановленія проекта объ укрѣпленіи доли

во всѣхъ безъ исключенія непередѣляемыхъ угодьяхъ, вызываетъ самыя серьезныя возраженія по существу. Какъ въ рядѣ другихъ вопросовъ, радикализмъ и прямолинейность нашего проекта далеко оставляютъ позади всѣ западно-европейскія законодательства. На новомъ примѣрѣ можно подтвердить, что въ этомъ отношеніи даже декретъ Конвента 1793 года осторожнѣе: онъ исключаетъ изъ раздѣла не только площади и участки подъ общественными зданіями (очевидно съ ихъ дворами и т. д.) но, вообще, „toutes les portions du territoire qui... sont considérées comme une dépendance du domaine public". Нечего говорить, что всѣ германскія законодательства, австрійскіе, швейцарскіе и англійскіе законы идутъ еще дальше въ этомъ направленіи, какъ уже было указано выше [1]).

Проектъ въ этомъ отношеніи значительно ухудшаетъ указъ 9 ноября, пополняя еще перечень тѣхъ частей общиннаго имущества, въ которыхъ обязательно укрѣпляется доля участія выбывающаго члена. Онъ особо указываетъ: 1) мірскую усадебную землю, т.-е. базарную площадь, пустыри между усадьбами, выморочныя усадьбы и т. д. 2) ***проѣзды, прогоны и водопои***, хотя по меньшей мѣрѣ непонятно, какъ можно укрѣпить „неизмѣнную долю" въ res publicae publico usui destinatae. Тутъ дѣло можетъ итти только объ общественномъ пользованіи, либо объ установленіи особаго сервитута проѣзда въ пользу участка, лишеннаго доступа къ общественной дорогѣ. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ юристъ, хотя бы онъ обладалъ очень скромными цивилистическими познаніями, не сталъ бы говорить о „долѣ" въ такомъ „угодьѣ" [2]). 3) Выгоны и пастбища: выше мы указали уже на неизбѣжныя и въ будущемъ крайне вредныя послѣдствія для коммунальной жизни сельскихъ обществъ безостаточнаго раздѣла ихъ. Этотъ вредъ скажется, отчасти, даже немедленно. Въ настоящее время общество имѣетъ возможность отводить на выгонѣ но-

---

[1]) Относительно Германіи см. въ частности книгу *Билимовича* Германское землеустроительное законодательство. Т. I. Раздѣлъ общинныхъ земель. Кіевъ 1908.

[2]) Если укрѣпляется доля въ водопоѣ и „укрѣпленецъ" не долженъ имѣть права поить въ сельскомъ прудѣ больше головъ скота, чѣмъ онъ поилъ во время подачи своего заявленія, то послѣдовательность требуетъ также укрѣпленія *доли въ питьевой водѣ* изъ общественнаго колодца!

выя усадебныя мѣста (планы) въ тѣхъ случаяхъ, когда по плану застройки, установленному земствомъ съ цѣлью предупрежденія опустошительныхъ пожаровъ, старыя усадьбы отходятъ подъ „разрывы“. Теперь это невозможно болѣе, если „укрѣпленцы“ заявятъ протестъ какъ дольщики въ выгонѣ. 4) Наконецъ, укрѣпляется неизмѣнная доля даже во всѣхъ оброчныхъ статьяхъ, напр., въ мельницѣ, въ рыбной ловлѣ, въ каменоломнѣ и т. д. Если раздѣлъ всего выгона стѣснитъ общество въ осуществленіи своихъ публично-правовыхъ задачъ, то эта послѣдняя мѣра свяжетъ общество по рукамъ въ отношеніи наиболѣе цѣлесообразной финансовой эксплуатаціи своихъ, подчасъ основныхъ, доходныхъ статей. Вѣдь всякій домохозяинъ, за которымъ укрѣплена доля на правѣ личной собственности, становится сособственникомъ оброчной статьи, которая составляетъ обыкновенно недѣлимое имущество. О примѣненіи къ ней, попрежнему, началъ общиннаго права (рѣшенія по большинству голосовъ) законъ не говоритъ, и это противорѣчило бы принципу укрѣпленія надѣла въ индивидуальную собственность, который ст. 8 проекта провозглашаетъ какъ общее начало для всего состава укрѣпленнаго надѣла. Придется поэтому признать за укрѣпленцами право liberum veto въ тѣхъ случаяхъ, когда общество пожелало бы измѣнить характеръ эксплуатаціи такой оброчной статьи, отдать ее въ аренду и т. д., вообще иначе и лучше использовать свое Finanzvermögen.

Приходится утѣшать себя тѣмъ, что подобныя постановленія не могутъ и на самомъ дѣлѣ не будутъ выполняться со всей точностью. Уже теперь болѣе даже скромныя требованія указа 9 ноября по этому вопросу „остаются на бумагѣ“. Но пусть не думаютъ, чтобы такое положеніе было способно насаждать и укрѣплять правосознаніе у крестьянъ!

Между тѣмъ западно-европейскія законодательства располагаютъ и по данному вопросу богатымъ опытомъ, пользуясь которымъ можно было цѣлесообразно рѣшить вопросъ, не ухудшая положенія общества и не отдавая, вмѣстѣ съ тѣмъ, укрѣпленцевъ на произволъ, быть-можетъ, враждебно къ нимъ настроеннаго большинства сельскаго общества.

Обычная ссылка на то, что законодательство о раздѣлѣ общинныхъ земель въ Швеціи и Даніи столь же радикально, и что крестьянское хозяйство въ Даніи процвѣтаетъ какъ нигдѣ, въ подтвержденіе преимуществъ землеустройства по типу датскаго, совершенно не убѣдительно. И въ Даніи землеустройство *само по себѣ* еще не обезпечило благосостоянія массѣ крестьянъ. Дѣлая подобныя ссылки, выхватываютъ одно изъ многихъ условій, опредѣлившихъ культурный уровень земледѣльческаго населенія, и ему приписывается весь результатъ. Причиною поразительнаго подъема крестьянскаго хозяйства въ Даніи былъ не только и не столько радикализмъ датскаго законодательства о разверстаніи, которое вѣдь относится уже къ XVIII ст., а результаты котораго сказались, главнымъ образомъ, лишь во второй половинѣ XIX ст. Двигателями земледѣльческаго прогресса были: превосходная постановка народнаго образованія какъ общаго (крестьянскіе университеты!), такъ и спеціальнаго сельскохозяйственнаго; неограниченная свобода кооперативнаго движенія; умѣлая организація мелкаго кредита; рѣшительное преобладаніе крестьянъ въ органахъ мѣстнаго самоуправленія, благодаря которому они могутъ придавать раціональное направленіе работѣ этихъ послѣднихъ, и очень многое другое, чего наши землеустроители не только не пересаживаютъ въ Россію, но чему вся ихъ дѣятельность противорѣчитъ въ принципѣ.

По совокупности общественныхъ условій, какъ они сложились въ Россіи въ настоящее время, гораздо болѣе подходящимъ образцомъ для нея представляется австрійское законодательство. Оно тоже достигло хорошихъ практическихъ результатовъ, притомъ въ мѣстностяхъ, населенныхъ отчасти славянами, отличающимися по своему культурному уровню отъ нашего крестьянства меньше, чѣмъ датчане, и живущими при общественныхъ и политическихъ условіяхъ, ближе напоминающихъ Россію. Именно австрійское законодательство выработало вполнѣ цѣлесообразные пріемы не только коренного разверстанія общинныхъ земель, сходные съ германскими, но также пріемы упорядоченія общиннаго хозяйства безъ его полнаго упраздненія, такъ наз. Regulierung.

Въ одной области, въ упорядоченіи общинныхъ пастбищъ, преимущество на альпахъ, эта мѣра дала за по-

слѣдніе годы блестящіе результаты, — гораздо лучшіе, чѣмъ раздѣлъ, и помогла раціональной постановкѣ разведенія племенного рогатаго скота. Въ настоящее время животноводы пришли къ заключенію, основанному на богатомъ опытѣ, что такъ наз. „стойловое содержаніе“, которымъ еще недавно увлекались и мечта о которомъ явно лежитъ въ основѣ проектовъ нашего землеустройства, представляется коренной ошибкой. Оно именно содѣйствовало колоссальному росту болѣзней рогатаго скота и привело, напр., къ почти поголовному зараженію коровъ туберкулезомъ. Борьба съ цѣлымъ рядомъ эпизоотій возможна только при отказѣ отъ чистаго стойловаго содержанія, конечно, прежде всего телятъ. Наибольшіе успѣхи въ этомъ направленіи достигнуты въ Зальцбургѣ и Каринтіи, гдѣ создалось особое законодательство объ улучшеніи альпъ безъ ихъ раздѣла [1]). То же движеніе, пожалуй еще болѣе интенсивно, развивается теперь въ Швейцаріи [2]).

Многое изъ этихъ новыхъ законовъ можно было бы заимствовать при опредѣленіи судьбы выгоновъ и пастбищъ съ бо̀льшимъ правомъ, чѣмъ изъ старыхъ законовъ Даніи и Швеціи. Тогда, полагаемъ, даже самое разверстаніе пахоти, въ пользѣ котораго нельзя сомнѣваться, пошло бы успѣшнѣе, такъ какъ было бы ослаблено главное опасеніе крестьянъ, неизмѣнно выдвигаемое ими въ первую голову противъ разверстанія: какъ быть со скотомъ? гдѣ пасти стадо?

Кончая обзоръ постановленій объ укрѣпленіи надѣла, нельзя не остановиться еще на ст. 17 проекта. Она вноситъ измѣненіе въ дѣйствующее право, оговаривая, что подъ „нѣдрами“ слѣдуетъ разумѣть только важнѣйшія ископаемыя, которыя перечислены въ ст. 260 Уст. Горн. (по прод. 1906 г.). Въ настоящее время къ составу „нѣдръ“ относится, согласно опредѣленію сената и

---

[1]) См.: Prof. *Thallmayer* Österreichs Alpwirtschaft. Wien 1907 (изъ Archiv für Landwirtschaft). *Leithe* Alpenpolitische Studien Wien 1907. Alpwirtschaftspolitik in Österreich. Veröffentlicht vom K. K. Ackerbauministerium. Wien 1908. Подробнѣе говорится объ этомъ въ провинціальной сельскохозяйственной прессѣ Каринтіи и т. д.

[2]) Автору пришлось убѣдиться въ этомъ лично, во время обхода цѣлаго ряда общинъ въ разныхъ кантонахъ вмѣстѣ съ инструкторами „Alpwirtschaftlicher Verein“. Особенно велики успѣхи въ этомъ отношеніи въ кантонѣ С. Галленъ. См. Bericht über die Alpwandercurse in Sommer 1908 (Solothurn 1908).

разъясненію мин. вн. дѣлъ [1]), на основаніи ст. 1 и 194 Уст. Горн. (изд. 1893 г.) несравненно болѣе широкій кругъ ископаемыхъ: 1) земли; 2) камни, не исключая драгоцѣнныхъ; 3) металлы; 4) минералы, селитра, сѣра, купоросъ, квасцы, соли, каменный уголь, торфъ и всякія для красокъ и другихъ надобностей полезные; 5) горючія вещества.—Достаточно конкретно представить себѣ условія разработки этихъ „нѣдръ", напр., камней или торфа, чтобы сразу увидѣть, какъ трудно заранѣе опредѣлить на планѣ границы ихъ мѣсторожденій. Но даже болѣе краткій перечень ст. 260 Уст. Горн. упоминаетъ объ огнеупорныхъ глинахъ и камняхъ, которые при отсутствіи болѣе детальныхъ указаній тоже не легко будетъ отграничить въ особую мірскую оброчную статью. Какъ быть, если огнеупорность глины будетъ обнаружена по укрѣпленіи; слѣдуетъ ли считать укрѣпленіе соотвѣтствующаго участка недѣйствительнымъ? Съ юридической точки зрѣнія еще болѣе затруднителенъ, однако, вопросъ, какъ конструировать право собственника участка на его „неизмѣнную долю" участія въ оброчной статьѣ, сокрытой въ „нѣдрахъ" его-же участка,— неужели какъ jus in re на собственную землю?

Попутно создается положеніе, любопытное въ другомъ отношеніи: проектъ закона не касается тѣхъ земель, которыя останутся въ общинномъ владѣніи; для нихъ сохранитъ, слѣдовательно, свою силу приведенное выше разъясненіе сената, подобно тому, какъ для общинниковъ сохранили силу разъясненія о семейномъ характерѣ ихъ владѣнія (двора). Для укрѣпленныхъ-же участковъ „нѣдрами" будетъ признаваться только часть ископаемыхъ. Окажется рядомъ и въ перемежку два типа „нѣдръ", какъ нынѣ въ одномъ обществѣ можетъ быть два типа семействъ. Но людей, пожалуй, легче распредѣлить по семьямъ различныхъ типовъ, чѣмъ ископаемыя по различнымъ типамъ владѣнія. Наконецъ, тутъ же могутъ быть расположены земли, пріобрѣтенныя крестьянами изъ частновладѣльческихъ угодій, по отношенію къ которымъ право собственности на „нѣдра" во

---

[1]) Ук. 2 Деп. 6 окт. 1908 г, № 4418 (Изв. Зем. Отд. 1908 г., стр. 432—433) и цирк. мин. вн. дѣлъ по Земск. Отд. 19 ноября 1908 г., № 62 (ibid. стр. 480—481).

всѣхъ смыслахъ этого термина принадлежитъ собственнику поверхности. Едва ли подобная „черезполосица“ типовъ собственности можетъ содѣйствовать уясненію правъ крестьянина на землю. Что она породитъ безконечные споры и процессы при очень высокой подчасъ цѣнности нѣдръ, въ этомъ уже во всякомъ случаѣ нельзя сомнѣваться.

III.

Выдѣлъ къ одному мѣсту.

Переходъ всѣхъ крестьянъ на отрубъ или хуторъ — вотъ главная задача и конечная цѣль проекта. Въ признаніи этого сходятся какъ его первоначальные авторы — органы правительства, такъ и представители большинства въ Государственной Думѣ, еще усилившіе въ немъ эту тенденцію. Возможно быстрымъ достиженіемъ разверстанія всѣхъ общинныхъ угодій они неизмѣнно оправдываютъ всѣ остальныя мѣры, принятыя проектомъ для ускоренія этого процесса, какими бы сомнительными ни казались ихъ непосредственные практическіе результаты. И прочно установленныя гражданскія права, и справедливость, и необходимая при проведеніи столь крупной общественной реформы осторожность,—все забыто ради этой цѣли.

Казалось бы, что подобная задача дѣйствительно заслуживаетъ напряженія всѣхъ силъ, а успѣхъ при достиженіи ея, быть можетъ, способенъ загладить воспоминанія о многихъ тяжелыхъ сторонахъ ея, неизбѣжно сопутствующихъ крутой ломкѣ вѣками сложившагося, хотя и неудовлетворительнаго строя. Но вызываетъ ли проектъ надежды на осуществленіе этой своей основной задачи?

Чтобы правильно оцѣнить значеніе постановленій проекта о выдѣлѣ, достаточно разсмотрѣть: 1) въ какое юридическое положеніе онъ ставитъ хуторянъ и владѣльцевъ отрубовъ и какъ онъ обезпечиваетъ ихъ права; 2) какой порядокъ онъ устанавливаетъ для разверстанія общинныхъ угодій къ однимъ мѣстамъ.

1) Въ основѣ движенія въ пользу хуторовъ лежало

всюду въ Западной Европѣ и лежитъ также у насъ убѣжденіе, что лучшія условія для подъема производительныхъ силъ земледѣльческаго населенія создаетъ свободное мелкое землевладѣніе, не связанное ни юридическими узами общины, ни фактическою взаимной зависимостью, вытекающей изъ чернополосности очень мелкихъ участковъ. На почвѣ западно-европейскихъ законодательствъ та и другая связанность одновременно устраняются раздѣломъ общинныхъ угодій, который теперь всегда сопровождается ихъ коммассаціей. Но русское крестьянское право знаетъ кромѣ указанныхъ условій несвободы участковъ, еще третье—такъ называемую *надѣльность* крестьянскихъ земель [1]). Ограниченія, связанныя съ признаніемъ участка надѣльной землей первоначально, при крестьянской реформѣ, были установлены для обезпеченія исправнаго поступленія выкупныхъ платежей но постепенно они разрослись въ чрезвычайно сложную сѣть крупныхъ и мелкихъ особенностей, обусловившихъ вполнѣ своеобразное положеніе надѣльной земли не только съ точки зрѣнія матеріальнаго гражданскаго права, но и съ точки зрѣнія межевого права, процесса, какъ искового, такъ и охранительнаго, съ точки зрѣнія обложенія и взиманія налоговъ, наконецъ, съ точки зрѣнія административнаго и государственнаго права. Въ составъ спеціальныхъ нормъ о надѣльной землѣ вошелъ, съ одной стороны, силою инерціи рядъ ограниченій, выработанныхъ еще въ Московскомъ государствѣ, какъ, напримѣръ, запрещеніе отчуждать землю лицамъ не крестьянскаго сословія; съ другой стороны, за самое послѣднее время приняты мѣры къ ограниченію владѣльцевъ надѣльной земли въ пользованіи избирательными правами въ земство и въ Государственную Думу. Вмѣстѣ съ тѣмъ вся эта пестрая сѣть особенностей не вылилась въ точныя формулы закона, а сплетается изъ безчисленныхъ мелкихъ, но крѣпкихъ нитей административныхъ толкованій, „временныхъ“ по названію, но вѣчныхъ по существу, правилъ и т. п. Постановленія о надѣльной землѣ мало извѣстны не только самимъ крестьянамъ, но и профессіональнымъ юристамъ;

---

[1]) Это понятіе слѣдуетъ строго отличать отъ понятій Bauernland, квотной и повинностной земли и т. д. германскаго (и остзейскаго), права.

во всякомъ случаѣ они никѣмъ и нигдѣ до сихъ поръ не были сведены воедино. Въ своей совокупности, главнымъ образомъ благодаря своей неопредѣленности, эти ограниченія связываютъ владѣльца надѣльной земли не меньше, чѣмъ община и черезполосица, и едва ли не служатъ еще большимъ препятствіемъ къ установленію прочныхъ и вполнѣ обезпеченныхъ правъ на землю, чѣмъ онѣ.

Несмотря на это ст. 35 проекта признаетъ, что укрѣпленные за отдѣльными домохозяевами участки, даже выдѣленные къ одному мѣсту, продолжаютъ подчиняться дѣйствію правилъ о надѣльныхъ земляхъ. Прослѣдимъ въ виду этого на нѣсколькихъ примѣрахъ практическое значеніе постановленія ст. 35, пока съ точки зрѣнія одного гражданскаго права. Оговоримся, что перечислить попутно всѣ особенности надѣльныхъ земель—невозможно.

а) Прежде всего — сохраняетъ силу правило, что участки надѣльной земли могутъ быть отчуждаемы посредствомъ даренія или продажи только лицамъ, приписаннымъ или приписывающимся къ сельскимъ обществамъ. Такъ постановляетъ ст. 19 Общ. Пол., взятая изъ закона 14 дек. 1893 г. Почти съ момента его изданія этотъ законъ сталъ вызывать разнообразныя сомнѣнія. Съ тѣхъ поръ число ихъ не уменьшилось. Напротивъ: изданъ указъ 5 октября 1906 г., не кодифицированный правда, какъ изданный въ порядкѣ ст. 87 Осн. Зак., и тѣмъ какъ бы припрятанный отъ взора не—юристовъ, но имѣющій силу дѣйствующаго права; имъ пробита большая брешь въ стѣну, отдѣляющую крестьянъ отъ другихъ сословій, не исключая привилегированныхъ. Изданный наспѣхъ, указъ 5 октября не согласованъ со старымъ законодательствомъ о причисленіи въ крестьянскій окладъ и объ исключеніи изъ него, а также со статьями т. IX Свода Зак. о сельскихъ обывателяхъ (ст. 671 и сл.). Благодаря этому, образовавшійся въ силу указа новый классъ лицъ, со дня на день все возрастающій, занимаетъ крайне неопредѣленное, промежуточное положеніе. Его представители могутъ одновременно состоять членами сельскихъ или волостныхъ обществъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться правами привилегированныхъ сословій. Отвѣчаютъ ли они условіямъ ст. 19 Общ. Пол.? Пола-

гаемъ, что отвѣчаютъ, т. к. они приписаны къ сельскому обществу. Среди нихъ, однако, не мало лицъ состоятельныхъ, не занимающихся земледѣліемъ, и защита ст. 19 становится противъ нихъ иллюзорной. Съ другой стороны, за самое послѣднее время въ нашемъ законодательствѣ, напримѣръ въ законѣ 24 мая 1909 г. объ освобожденіи отъ платежа пошлинъ и сборовъ при совершеніи нѣкоторыхъ крѣпостныхъ актовъ, получилъ офиціальное признаніе новый классъ „земледѣльцевъ другихъ сословій, по быту своему не отличающихся отъ крестьянъ“. Можно ли оправдать запрещеніе пріобрѣтать надѣльныя земли представителямъ этого класса, пока они не припишутся къ крестянскому обществу?

б) Сохраняетъ затѣмъ свою силу и по отношенію къ отрубному владѣнію ст. 20 Общ. Пол. Отрубные участки и хутора могутъ быть заложены только въ Крестьянскомъ Банкѣ. Но, согласно правиламъ Крестьянскаго Банка, его должники до полнаго погашенія ссуды лишены возможности пользоваться какою то ни было формой меліоративнаго кредита [1]).

в) На надѣльную землю въ силу приведенной уже ст. 19 Общ. Пол. не можетъ быть обращено взысканіе по частнымъ долгамъ. Это правило толкуется нашей судебной практикой въ томъ смыслѣ, что взысканіе не можетъ быть обращено и на строенія, возведенныя на надѣльной землѣ, хотя бы они не служили цѣлямъ крестьянскаго хозяйства, а представляли собой торгово-промышленныя заведенія, фабрики, доходныя дома и т. д. [2]). Однако, уже теперь на надѣльной землѣ стоитъ не мало цѣнныхъ зданій, подчасъ цѣлыя поселенія городского типа, какъ напримѣръ Нижній-Тагилъ. Владѣльцы такихъ строеній почти лишены дешеваго ипотечнаго кредита. Взамѣнъ, они иногда пользуются этой особенностью надѣльной земли, чтобы вводить въ обманъ своихъ кредиторовъ, предполагающихъ, что у ихъ должниковъ есть имущество, на которое можно обратить взысканіе.

г) Какъ на послѣдній примѣръ мало кому извѣстной особенности надѣльнаго землевладѣнія, укажемъ на право,

---

[1]) См. *Кауценеленбаумъ* Мелиораціи (Москва, 1910 г.), стр. 389. Уст. Крест. Зем. Банка, ст. 61:

[2]) Рѣш Гражд. Кас. Деп. 1896 г. № 102.

предоставленное губернскому присутствію, принимать мѣры къ уничтоженію всякихъ актовъ и сдѣлокъ, совершенныхъ съ нарушеніемъ спеціальныхъ узаконеній о крестьянахъ [1]). Въ предѣлахъ, слѣдовательно, десятилѣтней давности любой актъ пріобрѣтенія надѣльной земли неожиданно для сторонъ можетъ быть оспоренъ учрежденіемъ, до котораго дошли свѣдѣнія о какомъ-либо дефектѣ сдѣлки. Такъ какъ немыслимо, чтобы губернское присутствіе слѣдило систематически за всѣми сдѣлками относительно участковъ надѣльной земли, то его вмѣшательство можетъ быть только совершенно случайнымъ. Такое спорадическое вступленіе не будетъ служить серьезнымъ препятствіемъ къ нарушенію спеціальныхъ узаконеній, напримѣръ запрета сосредоточивать въ однѣхъ рукахъ надѣльную землю свыше опредѣленнаго количества. Возможность внезапнаго протеста и впредь будетъ лишь усиливать неувѣренность въ прочности уже пріобрѣтенныхъ, казалось бы, правъ.

На публично-правовыхъ ограниченіяхъ владѣльцевъ надѣльной земли мы не будемъ останавливаться, хотя нѣкоторыя изъ нихъ косвенно отражаются и на гражскихъ правахъ крестьянъ. Напомнимъ только о постановленіи пункта 2 ст. 290 Общ. Пол. о взысканіи недоимокъ съ членовъ семьи неисправнаго домохозяина, о которомъ мы уже говорили выше [2]).

Ошибка, въ которую законодатель впадаетъ въ данномъ случаѣ, сохраняя безъ всякихъ оговорокъ характеръ „надѣльности“ за отрубами и хуторами, прямо противоположна тоіі, которую онъ допустилъ, прямолинейно проводя принципъ индивидуальной собственности на укрѣпленный участокъ. Тамъ онъ отвергъ всякія ограниченія собственника въ пользу младшихъ членовъ семьи, даже такія, которыя вполнѣ мирились бы съ принципомъ личной собственности, какъ мы это показали выше. Здѣсь наоборотъ, цѣня повидимому нѣкоторыя ограниченія, законодатель съ той же радикальной прямолинейностью сохраняетъ всю совокупность существующихъ стѣсненій, не исключая даже такихъ, которымъ онъ самъ едва ли сочувствуетъ. Правильный исходъ какъ тамъ,

---

[1]) Рѣш. Собр. 1, 2 и кас. Деп. Сената Общ. 8 марта 1893 г. № 7 и ук. 2 Деп. 20 сент. 1904 г. № 5691.

[2]) См. стр. 106.

такъ и здѣсь сводился бы къ сохраненію или введенію ограниченій ровно настолько, насколько это необходимо согласно тщательно провѣренному опыту Западной Европы. Цѣлесообразною мѣрою могло бы служить введеніе тѣхъ же институтовъ, которые были перечислены нами выше въ связи съ вопросомъ объ огражденіи правъ младшихъ членовъ семьи, т.-е. установленіе, въ той или другой формѣ, семейныхъ участковъ (homestead, biens de famille и т. д.). Имѣя же въ виду, что ограниченія въ правѣ отчуждать выдѣленные участки, которыя сохранены въ силѣ разсматриваемымъ проектомъ, едва ли достигнутъ цѣли—воспрепятствовать легкомысленной распродажѣ надѣла со стороны ослабѣвшихъ хозяевъ, придется признать, что и въ данномъ вопросѣ авторы проекта менѣе предусмотрительны, чѣмъ нѣкогда французскій Конвентъ, включившій въ декретъ о раздѣлѣ общинныхъ угодій отъ 10 іюня 1793 г. слѣдующія постановленія: „Каждый житель будетъ пользоваться участкомъ, который онъ получитъ по раздѣлу, на правѣ полной собственности“ (секція II, § 12). „Но онъ не будетъ имѣть права отчудить его въ теченіе десяти лѣтъ, считая отъ обнародованія настоящаго декрета; договоръ купли-продажи, который онъ совершитъ вопреки этому, признается вполнѣ ничтожнымъ“ (§ 13) [1]) Этимъ значительно уменьшался соблазнъ добиваться раздѣла исключительно, чтобы немедленно отчудить свой участокъ.

2) Теперь спросимъ себя, цѣною какихъ рѣшительныхъ вторженій въ установленныя гражданскія права достигаются такіе сомнительные результаты. Общій характеръ постановленій проекта о выдѣлѣ лучше всего уясняется слѣдующей его чертой: онъ содержитъ указанія на то, кто можетъ требовать выдѣла, кто производитъ выдѣлъ и въ какомъ порядкѣ можно обжаловать постановленіе о выдѣлѣ; но онъ ничего не говоритъ о матеріальныхъ условіяхъ самаго выдѣла. Достаточно бросить бѣглый взглядъ на любой изъ западно-европейскихъ законовъ о раздѣлѣ общинныхъ земель, чтобы убѣдиться, насколько самое построеніе ихъ отличается

---

[1]) „Il ne pourra cependant l'aliéner pendant les dix années qui suivront la promulgation du présent décret, et la vente qu'il en pourrait faire sera regardée comme nulle et non avenue“.

отъ нашего проекта. Возьмемъ въ руки хотя бы трудъ, всегда пользовавшагося и въ Россіи громаднымъ авторитетомъ, прусскаго сельскаго хозяина начала XIX вѣка—Тэра—его проектъ закона о раздѣлѣ общинныхъ земель для Пруссіи, выработанный около 1810 г. [1]). Большая часть статей этого проекта посвящена не столько юридическимъ вопросамъ, которые для его автора разрѣшались сравнительно просто, сколько детальнымъ и, для своего времени, образцовымъ указаніямъ на пріемы бонитировки земель разныхъ качествъ. Авторъ преслѣдуетъ главнымъ образомъ цѣль—предупредить при разверстаніи возможность несправедливыхъ отводовъ, обезпечить каждому участнику въ разверстаніи отрубъ, вполнѣ соотвѣтствующій по своей цѣнности прежнему его черезполосному владѣнію. Намѣченные Тэромъ пріемы послужили затѣмъ образцомъ для законодательства какъ Пруссіи, такъ и южно-германскихъ государствъ. Какъ ни различны между собою эти два типа законовъ о разверстаніи общинныхъ земель [2]), ихъ объединяетъ одна общая черта—требованіе самой тщательной провѣрки соотвѣтствія новаго отвода прежнему владѣнію. Отъ этого требованія не отказываются и новѣйшіе законы несмотря на то, что подобная точность расчетовъ нѣсколько замедляетъ землеустройство. Въ этой точности пріемовъ разверстанія больше всего сказывается подлинное, совершенно чуждое нашему проекту, уваженіе къ началу частной собственности, хотя бы даже крестьянъ. Укажемъ, напримѣръ, законы для отдѣльныхъ Австрійскихъ земель,—для Галиціи 1899 г. и проектъ закона для Богеміи, еще не вступившіи въ силу.

Нашъ проектъ довольствуется провозглашеніемъ принципа, что каждый домохозяинъ имѣетъ право требовать выдѣла ему, взамѣнъ укрѣпленныхъ за нимъ участковъ, „соотвѣтственнаго“ участка къ одному по возможности

---

[1]) Мы пользуемся изданіемъ этого проекта, которое Тэръ напечаталъ въ приложеніи ко второму изданію своей книги: *Thaer* Versuch einer Ausmittelung des Rein—Ertrages der productiven Grundstücke mit Rücksicht auf Boden, Lage und Oertlichkeit, nebst dem Entwurf einer Gemeinheitstheilungs-Verordnung. Berlin 1833.

[2]) Мы не останавливаемся на деталяхъ законодательства, такъ какъ онѣ изложены довольно полно въ книгѣ *Билимовича* Германское землеустроительное законодательство т. I. Раздѣлъ общинныхъ земель. Кіевъ. 1908 г. Сравни еще: *Бруцкусъ* Землеустройство и разселеніе за границей и въ Россіи. Петербургъ 1909. (Оттискъ изъ трудовъ Вольн. экон. Об-ва).

мѣсту. Другими словами, онъ повторяетъ въ этомъ отношеніи указъ 9 ноября. Послѣдній тоже не содержитъ указаній, какъ понимать это „соотвѣтствіе“, и какими мѣрами оно должно быть обезпечено. Характерно, что этотъ пробѣлъ не пополняютъ даже столь многочисленныя по разсматриваемому вопросу распоряженія и инструкціи министерствъ, которыя медлятъ сочиненіемъ соотвѣтствующихъ „правилъ“. Они выжидаютъ, вѣроятно, результаты „опыта“, не смущаясь грубымъ произволомъ, который сопровождаетъ накопленіе заново у насъ этого опыта, уже продѣланнаго на Западѣ и доступнаго изученію. Вслѣдствіе этого какъ нынѣ, такъ и впредь, по вступленіи въ дѣйствіе проекта, чиновники, которые завѣдуютъ разверстаніемъ, будутъ прибѣгать по своему усмотрѣнію къ самымъ разнообразнымъ и совершенно произвольнымъ пріемамъ для опредѣленія соотвѣтствія отруба прежнимъ полосамъ. Теперь они часто понимаютъ соотвѣтствіе въ смыслѣ простого равенства площадей. Съ качествами почвы они не считаются, хотя и не прочь оказать покровительство піонерамъ хуторского движенія, отводя имъ отрубъ изъ лучшей части надѣла ихъ общества [1]). Кое-гдѣ дѣлаются попытки перейти къ нѣсколько болѣе раціональному рѣшенію вопроса. Усовершенствованные пріемы разверстанія примѣняются въ настоящее время въ Новоузенскомъ уѣздѣ. Они выработаны непремѣннымъ членомъ землеустроительной комиссіи г. *Биромъ* и въ общихъ чертахъ сводятся къ слѣдующему.

Общинная земля, подлежащая разверстанію, разбивается на полосы, шириною въ 240 саженъ. При этомъ на планъ наносятся различные сорта почвы. Качества почвы и ихъ цѣнность опредѣляются самими крестьянами. Въ зависимости отъ мѣстныхъ условій устанавливается 3,4 и болѣе разрядовъ земли, затѣмъ опредѣляется стоимость десятины каждаго изъ разрядовъ и подсчитывается общая стоимость земли. Далѣе нашъ источникъ продолжаетъ: „Разъ установлена цѣна всей земли, нѣтъ ничего легче (?) вывести стоимость той земли, которая должна придтись на долю каждаго домохозяина. Напримѣръ, въ с. *Привальномъ* приступили къ развер-

---

[1]) Такіе случаи извѣстны намъ въ Можайскомъ уѣздѣ Московской губерніи.

станію 3310 домохозяевъ. Надѣльная земля, площадью въ 21760 десятинъ, была раздѣлена на 5 разрядовъ, при цѣнѣ десятины въ 30, 28, 25, 22 и 15 рублей. Общая цѣна всей земли опредѣлилась въ 519704 руб. Слѣдовательно, стоимость одного душевого пая принята въ 157 рублей 01 коп. Положеніе каждаго участника опредѣляется жребіемъ. Отрубной участокъ можетъ оказаться на хорошей и на плохой землѣ, въ зависимости отъ чего и сообразно съ числомъ душевыхъ паевъ, принадлежащихъ данному домохозяину, измѣняется и размѣръ участка [2]).

Крайняя примитивность и неточность такой бонитировки не подлежитъ сомнѣнію. Однако, даже центральными землеустроительными органами она признается наиболѣе совершенной изъ всѣхъ практически возможныхъ у насъ пріемовъ. Для юриста эти пріемы характерны главнымъ образомъ тѣмъ, что они обусловливаютъ съ необходимостью полное игнорированіе индивидуальныхъ качествъ отдѣльныхъ укрѣпленныхъ за домохозяевами полосъ. Въ самомъ лучшемъ случаѣ описанные пріемы могутъ обезпечить соотвѣтствіе отрубовъ стоимости *доли* въ общинныхъ угодьяхъ, *пая* въ абстрактномъ смыслѣ этого термина. Но совершенно очевидно, что землеустроители при этомъ даже не задаются цѣлью достичь соотвѣтствія отруба цѣнности индивидуально опредѣленныхъ участковъ отдѣльнаго домохозяина, какъ того требуетъ ст. 28 проекта. Допустимъ, что укрѣпленный надѣлъ одного изъ домохозяевъ почему-либо замѣтно превышаетъ по своей стоимости другіе надѣлы, напримѣръ, благодаря предпринятымъ его собственникомъ меліораціямъ или благодаря нахожденію на немъ камня цѣнной породы; взамѣнъ его домохозяинъ все-таки получитъ при разверстаніи отрубъ одинаковой *цѣнности* съ другими, лишь по площади пропорціональный числу разверсточныхъ единицъ въ его семьѣ.

Описанные пріемы примѣняются землеустроительными комиссіями, какъ оказывается, даже при разверстаніи къ однимъ мѣстамъ подворныхъ участковъ въ западныхъ губерніяхъ. И тутъ опредѣляется по основнымъ актамъ землеустройства и другимъ документамъ та доля изъ надѣла

---

[1]) См. „Сельскій Вѣстникъ“ 1909 г., № 237.

всего общества, которая причитается на отдѣльный дворъ. Фактическія измѣненія въ площади владѣнія отдѣльныхъ дворовъ, которыя произошли вслѣдствіе запахиванія части полосъ сосѣдомъ, перемѣщенію межъ и т. п.,— игнорируется. Мѣстами подворники охотно идутъ на разверстаніе при участіи землеустроительныхъ комиссій именно потому, что смотрятъ на него, какъ на способъ возстановить соотвѣтствіе своего фактическаго владѣнія документальнымъ правамъ, говоря иначе,—какъ на своего рода переверстку. При этихъ условіяхъ нельзя не спросить, съ какою цѣлью производится укрѣпленіе общинныхъ полосъ, если затѣмъ разверстаніе все же происходитъ такъ, какъ будто его не было? Во всякомъ случаѣ одно очевидно: укрѣпленіе не стоитъ ни въ какой связи съ разверстаніемъ, какъ оно практикуется и будетъ практиковаться у насъ.

Упрощенные пріемы разверстанія находятъ себѣ извѣстное оправданіе въ дороговизнѣ точныхъ, научныхъ методовъ бонитировки, примѣняемыхъ на Западѣ, хотя не слѣдовало бы забывать, что трудно отнестись достаточно внимательно къ разверстанію угодій—къ работѣ, которая предпринимается, если не на вѣка, какъ работа римскихъ агриментзоровъ,—то во всякомъ случаѣ на многія десятилѣтія. Къ тому же проектъ не останавливается передъ громаднымъ повышеніемъ расходовъ на разверстаніе, которое вызывается повтореніемъ этой операціи каждый разъ, когда того потребуетъ хотя бы одинъ домохозяинъ. Но едва ли можно подыскать какое бы то ни было оправданіе для ряда пробѣловъ и недомолвокъ въ проектѣ. Напримѣръ, проектъ не опредѣляетъ судьбы *лѣсныхъ* угодій, подлежащихъ раздѣлу. Всѣ западно-европейскіе законы, начиная съ цитированнаго уже декрета французскаго Конвента, разрѣшаютъ включеніе лѣса въ разверстаніе только въ тѣхъ случаяхъ, когда признается допустимымъ превращеніе его въ другой видъ угодій, т.-е. когда нѣтъ препятствій къ сплошной вырубкѣ его. Нельзя сомнѣваться, что такова именно будетъ судьба разверстанныхъ лѣсныхъ участковъ и у насъ, но все-таки лѣсъ долженъ быть разверстанъ полностью! При этомъ не отмѣняется и прим. къ ст. 710 Уст. лѣсн. (изд. 1905 г.), согласно которому дѣйствіе положенія о сбереженіи лѣсовъ, „за исключеніемъ пра-

вилъ, касающихся лѣсовъ защитныхъ, не распространяется впредь до времени (?) на лѣсныя пространства, предоставленныя владѣнными записями, уставными грамотами и данными крестьянамъ разныхъ наименованій, въ земельный ихъ надѣлъ, для увеличенія площади сельскохозяйственныхъ угодій."

Проектъ требуетъ затѣмъ разверстанія въ отрубы безъ остатка всего выгона, какъ логическаго послѣдствія укрѣпленія доли въ немъ, которое мы уже разсматривали выше. Такъ, онъ не оговариваетъ явной необходимости оставлять въ общемъ владѣніи хотя бы тѣ части непередѣляемыхъ угодій, доходъ съ которыхъ идетъ на удовлетвореніе потребностей всего общества, напримѣръ, тої части выгона, на которой устраиваются ярмарки или базары, или которая прилегаетъ къ желѣзнодорожной станціи и въ рукахъ отдѣльныхъ членовъ сельскаго общества превратится въ объектъ спекуляціи въ ущербъ другимъ членамъ ея. Проектъ не разрѣшаетъ вопроса о судьбѣ цѣлаго ряда важныхъ статей общиннаго хозяйства, какъ то каменоломенъ, карьеръ, торфяниковъ [1]) и т. п., которыя способны приносить обществу серьезный доходъ, а въ случаѣ ихъ разверстанія либо утратятъ часть своей цѣнности, либо также превратятся въ средство притѣснять сосѣдей, въ своего рода „отрѣзки". Требованія раздѣла всего выгона безъ остатка нарушаетъ, наконецъ, и это съ нашей точки зрѣнія непростительная юридическая ошибка, *права* безземельныхъ крестьянъ, за которыми по обычаю признается право пасти на выгонѣ корову или нѣсколько овецъ, какъ это удостовѣрило, напримѣръ, Могилевское губернское совѣщаніе [2]).

Молчаніе закона не устранитъ изъ жизни всѣхъ этихъ вопросовъ и ряда другихъ. Но это молчаніе неизбѣжно поведетъ къ тому, что они станутъ рѣшаться по произволу администраціи. Земельныя права крестьянъ не упрочиваются закономъ, а отдаются на благоусмотрѣніе органовъ землеустройства. Не чувство спокойной увѣренности въ своихъ правахъ, а чувство тревоги за нихъ должно охватить крестьянъ. Процессъ насажденія частной

---

[1]) Согласно ст. 17 проекта, послѣдніе послѣ разверстанія не будутъ больше относиться къ „нѣдрамъ".

[2]) Сводъ заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законодательства о крестьянахъ 1897 г., т. III, стр. 183.

собственности превращается нерѣдко въ игру прежними, уже пріобрѣтенными гражданскими правами, причемъ движущей силой становится не осторожный хозяйственный расчетъ, а честолюбіе и карьеризмъ отдѣльныхъ чиновниковъ, которые льстивыми рѣчами о большихъ пособіяхъ на разселеніе или угрозою передвинуть надѣлъ строптиваго общинника при выдѣлѣ односельчанина на худшія земли заставляютъ крестьянъ предпринимать шагъ, въ значеніи коего они не отдаютъ себѣ яснаго отчета, и въ которомъ они потомъ иногда раскаиваются. Новыя права, установленныя при такихъ условіяхъ и все же недостаточно обезпеченныя, не будутъ способны воспитать въ крестьянахъ живое чувство законности. Способы насажденія индивидуальной собственности — этого прототипа гражданскаго субъективнаго права—лишаютъ ее одной изъ наиболѣе цѣнныхъ чертъ—характера права, пользующагося абсолютной защитой.

Реформа крестьянскаго землевладѣнія необходима. Настало время дать возможность крестьянамъ приспособить свое хозяйство къ новымъ условіямъ производства и сбыта. Въ своей борьбѣ съ часто неблагосклонной къ нимъ природой и съ тяжелыми условіями сельскохозяйственной конъюнктуры они нуждаются не только въ матеріальныхъ средствахъ; еще важнѣе бодрость, увѣренность, что они пожнутъ плоды своихъ усилій, что результаты напряженнаго труда не пропадутъ для нихъ. Такой увѣренности больше всего помогаетъ развиться твердо установившійся правовой строй.

Коренная реформа юридическаго быта крестьянъ мирилась бы съ любою формой землевладѣнія. Достаточно ознакомиться съ общиннымъ хозяйствомъ духоборовъ въ Канадѣ по недавнему описанію кн. Г. Львова, или съ состояніемъ общинныхъ пастбищъ въ Тоггенбургѣ (долинѣ кантона С. Галленъ), чтобы убѣдиться въ полной возможности приспособить общинное владѣніе къ требованіямъ самой интенсивной экономической и самой высокой правовой культуры. Мы не станемъ отрицать, однако, что при общественныхъ условіяхъ, какъ они сложились въ современной Россіи, невозможно надѣяться ни на духовный подъемъ крестьянской массы до уровня,

на которомъ стоятъ духоборы, ни на правовую обезпеченность, какую послѣдніе нашли въ Канадѣ. Въ современной Россіи, какъ и въ средневѣковой Европѣ, наиболѣе прямымъ путемъ къ насажденію, быть-можетъ сравнительно узкихъ, но ясныхъ и прочныхъ правовыхъ идеаловъ, служитъ перестройка хозяйственныхъ отношеній на началахъ частной собственности. Прослѣживая ростъ идеи о неотъемлемыхъ правахъ человѣка, на ряду съ главной движущей силой ея—потребностью въ свободѣ совѣсти и вѣроисповѣданія, нельзя не отмѣтить другого теченія — все усиливавшагося стремленія къ прочному обезпеченію имущественныхъ правъ,—прежде всего права собственности.

Правовая структура общины такъ сложна; она такъ неразрывно связана съ утратившимъ свою жизненность обычнымъ правомъ; она такъ тѣсно переплелась съ глубоко укоренившимся произволомъ администраціи и самого сельскаго общества въ лицѣ его главнаго органа—схода, что намъ кажется невозможнымъ оздоровить современную великорусскую общину мѣрами законодательства. Къ тому же, для части крестьянства община сохранила значеніе только привычной формы хозяйственнаго уклада. Наконецъ, по мѣрѣ роста малоземелья „уравнительно-передѣльныя функціи“ общины неизбѣжно утрачиваютъ свой прежній смыслъ [1]).

Частная собственность, напротивъ, отличается простотой своей структуры; ея защита можетъ быть довольно прочно обезпечена уже при современномъ правовомъ укладѣ Россіи. Идея частной собственности на землю становится понятной той огромной части деревенскаго населенія, которая втягивается въ круговоротъ промышленной жизни въ качествѣ наемныхъ рабочихъ или какъ вспомогательный персоналъ торговыхъ предпріятій. Кто живетъ личнымъ заработкомъ, тотъ въ концѣ-концовъ привыкаетъ цѣнить индивидуальное право собственности на плату за свой трудъ и на все, что онъ пріобрѣлъ на свой заработокъ, не меньше, пожалуй, чѣмъ владѣлецъ орудій производства право на доходъ.

Но какъ бы то ни было,—тамъ, гдѣ царитъ полный

---

[1]) См. *Качоровскій* „Русская община“. 2 изд. (Москва 1906), стр. 324 сл.

хаосъ, гдѣ никто не чувствуетъ подъ собой твердой почвы, тамъ институтъ частной собственности лучше, чѣмъ коллективное владѣніе, способенъ воспитать правосознаніе вообще, стать даже — horribile dictu — крупной моральной силой, всего успѣшнѣе подготовить народъ къ воспріятію не только экономическаго прогресса, но и всего запаса юридическихъ идей, накопленнаго его старшими братьями по культурному развитію. Онъ поможетъ быстро сблизить Россію съ Западомъ.

Всему этому частная собственность на нашъ взглядъ способна содѣйствовать, но она, конечно, ничего этого, сама по себѣ, не можетъ вызвать. Частная собственность не обладаетъ никакими магическими свойствами, и, вопреки Артуру Юнгу, нигдѣ не превращала пустыни въ цвѣтущій садъ. Если можно говорить о магической силѣ, то развѣ только правового строя въ его цѣломъ, бодрящей атмосферы спокойной увѣренности въ личной неприкосновенности и въ безусловной обезпеченности имущественныхъ правъ.

Мы предполагаемъ, что переходъ къ индивидуальной собственности на землю способенъ облегчить нашему крестьянству трудную задачу—перестроить свои хозяйственныя и бытовыя отношенія въ уровень съ запросами времени. Самое разселеніе на хутора въ связи съ этимъ было-бы чрезвычайно полезно и не кажется намъ такой утопіей, какъ утверждаютъ его противники: достаточно просмотрѣть старыя писцовыя книги или акты XVI и XVII столѣтій, чтобы убѣдиться, насколько древне-русскія деревни, по крайней мѣрѣ на сѣверѣ и отчасти въ центрѣ, приближались къ хуторскому разселенію, при которомъ дворы группируются, какъ, напр., въ прусской Познани, по 3—4, и какъ значительно было число даже „односелій“ въ Литовскомъ государствѣ. Если условія безопасности, состояніе дорогъ и т. п. въ XVI ст. не служили помѣхою для крестьянъ селиться деревнями въ одинъ, два двора среди дремучаго бора, то нельзя считать это утопіей для XX столѣтія. Даже въ средне-черноземной и южной Россіи громадные размѣры селъ объясняются далеко не одними только естественными условіями, напр., распредѣленіемъ источниковъ и водоемовъ, а на ряду съ ними цѣлымъ рядомъ историческихъ и соці-

альныхъ причинъ, частью уже утратившихъ свое актуальное значеніе [1]).

Но и при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, конечно, невозможно достичь сколько-нибудь замѣтныхъ общихъ результатовъ, ограничиваясь одними межевыми дѣйствіями, по прежнему оставляя хуторянъ наравнѣ съ другими крестьянами въ удушливой атмосферѣ безправія, начальническаго произвола и чиновничьей опеки, связанными сѣтью часто безцѣльныхъ ограниченій. Нельзя ожидать, что, перекроивъ поля на квадраты, однимъ этимъ удастся сразу измѣнить столѣтіями созданные навыки и пріемы работы; превратить собственника надѣльной земли изъ забитаго и безпечнаго мужика въ рачительнаго и заботливаго хозяина; внушить ему необходимую иниціативу; сообщить ему элементарныя свѣдѣнія по земледѣлію; прибавить къ его надѣлу хотя пядь земли; а главное—дать ему оборотныя средства, безусловно необходимыя для веденія раціональнаго хозяйства. Между тѣмъ, совершить все это, не мѣняя общей обстановки крестьянской жизни, однимъ бурнымъ натискомъ на крестьянство со стороны полчищъ чиновниковъ — землеустроителей, — обыденкой возвести новое зданіе, способное въ теченіе вѣковъ служить народу рабочимъ помѣщеніемъ, въ нѣсколько лѣтъ продѣлать небывалый культурно-историческій tour de force,—такова наивная мечта, которая лежитъ въ основѣ указа 9 ноября и проекта.

Однако, дѣйствительность безконечно далека отъ этой мечты.

Предшествовавшее изложеніе отдѣльныхъ постановленій проекта доказало, какъ намъ кажется, что на дѣлѣ онъ мало даетъ для осуществленія даже тѣхъ ближайшихъ цѣлей, во имя которыхъ онъ проводится, не говоря совсѣмъ о широкихъ перспективахъ, которыя рисуются его авторамъ. Намѣченная въ проектѣ реформа не создаетъ свободнаго мелкаго земледѣльца. Она не устраняетъ шаткости и необезпеченности правъ крестьянъ на землю,—а скорѣе усугубляетъ современную неустойчивость ихъ, такъ какъ устанавливаетъ порядокъ укрѣпленія сдѣлокъ относи-

---

[1]) Здѣсь не мѣсто настаивать на этомъ. См. брошюру проф. *Воейкова* „Людность селеній Европейской Россіи и Западной Сибири“ (оттискъ изъ Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. 45, 1909 г.). По приложенной къ ней картограммѣ легко убѣдиться въ правильности нашего утвержденія.

тельно участковъ надѣльной земли, который почти неизбѣжно повлечетъ за собою злоупотребленія и ошибки благодаря обилію самыхъ разнохарактерныхъ актовъ, способныхъ служить доказательствомъ права собственности: эти акты будутъ, несомнѣнно, то расходиться между собою по своему содержанію (ср. ст. 20 и 46), то будутъ оказываться въ „дублетахъ“ одновременно у разныхъ лицъ, напр., у прежняго и у новаго владѣльца (копіи по ст. 6) Весьма возможно, что косвенно этотъ новый порядокъ, въ корнѣ противорѣчащій всякому представленію о вотчинной записи, какъ основѣ правъ на на недвижимость, внесетъ полную дезорганизацію во всю нашу, уже теперь шаткую, крѣпостную систему, окончательно лишитъ ее элемента fides publica [1]).

Проектъ почти не ослабляетъ основного зла въ деревенскихъ земельныхъ порядкахъ—ихъ зависимости отъ усмотрѣнія начальства. Онъ только замѣняетъ земскихъ начальниковъ и ихъ съѣзды—другими органами, отдавая крестьянъ-общинниковъ, какъ тѣхъ, которые остаются въ общинѣ, такъ и тѣхъ, которые укрѣпили свои надѣлы, на произволъ землеустроительныхъ комиссій. По важнѣйшему вопросу — о выдѣлѣ, онъ не даетъ сколько-нибудь точныхъ матеріально-правовыхъ нормъ, а довольствуется указаніемъ на подвѣдомственность его.

Проектъ поражаетъ, при сопоставленіи его съ соотвѣтствующими актами западно-европейскаго законодательства, полнымъ отсутствіемъ творчества. Весь сложный вопросъ о приспособленіи русскаго крестьянскаго землевладѣнія къ измѣняющимся условіямъ народнаго хозяйства рѣшается имъ въ рамкахъ старыхъ, давно обвѣтшавшихъ представленій о подворномъ владѣніи, о надѣльности земли и тому подобныхъ пережиткахъ тяжелаго прошлаго русскаго крестьянства, его государственнаго и помѣщичьяго тягла. Нѣтъ даже попытки намѣтить какой-либо новый институтъ, сознательно внести видоизмѣненія въ старыя юридическія формы [2]).

Мы далеки отъ мысли, что все зло въ области гражданскаго права крестьянъ можетъ быть исцѣлено какимъ-

---

[1]) См. по этому поводу уже цитированныя, вполнѣ правильныя замѣчанія г. *Гельвиха* въ журн. Мин. Юст. 1908 г., № 10.

[2]) Т. н. „укрѣпленіе“ представляетъ оригинальную черту проекта, но это только *переходный этапъ* по мысли самого же проекта.

нибудь однимъ актомъ законодательной власти. Только совокупность преобразованій во всѣхъ почти областяхъ его, только продолжительная, упорная культурная работа по проведенію въ жизнь этихъ преобразованій будутъ способны обновить правовой бытъ нашей деревни.

Именно потому, что задача такъ трудна и сложна, законодатель долженъ осторожно взяться за ея выполненіе, но неуклонно итти къ опредѣленной, ясно намѣченной цѣли; онъ долженъ планомѣрно направить свои усилія на упорядоченіе отдѣльныхъ сторонъ частнаго быта крестьянъ и послѣдовательно устраивать ихъ на основаніи положительнаго закона, какъ того требовалъ еще въ 1894 г. кн. А. Оболенскій. Разсматриваемый проектъ не только не стремится къ этому, но и въ рамкахъ своихъ болѣе узкихъ задачъ не можетъ быть признанъ хотя бы первымъ шагомъ по направленію къ цѣли, хотя бы приступомъ къ рѣшенію основной, роковой для современной Россіи проблемы—быстраго подъема культурнаго уровня крестьянской массы.

За указомъ 9 ноября и за проектомъ по нашимъ наблюденіямъ все же останется одна заслуга. Благодаря изумительной энергіи исполнителей, земельная реформа усиленно проводится вездѣ, не исключая самыхъ глухихъ уголковъ деревни. Всюду въ общинной и въ подворной Россіи она крѣпко нажала больное мѣсто нашего сельскаго быта и рѣзко будитъ лѣнивую крестьянскую мысль, силою наталкивая ее на пересмотръ завѣщанныхъ исторіей политическихъ и общественныхъ идеаловъ, которые располагали къ мечтамъ о прибавкѣ земли, но не помогли обезпечить земледѣльцу и хлѣбъ насущный.

А. Э. Вормсъ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР